

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2, ЛИЧНЫЕ СТРАНИЦЫ
ЧЛЕНОВ СОЮЗА СЛАВЯНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

ПЕРВЫЙ БОЙ 16-й ЛИТОВСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.

(Статья опубликована в журнале «Военно-исторический архив №6
за 2005 год)

По данным Института военной истории через командование дивизиями, участвовавшими в Великой Отечественной войне, не считая других соединений Красной Армии, прошло около 2500 офицеров старшего и высшего командного состава, что явно несоизмеримо с общим количеством дивизий на фронте, которых было раз в 10 меньше.

За всеми этими перемещениями миллионы погибших на поле боя бойцов и командиров, а также ставших калеками, не поддающееся учёту общее людское горе, миллионы тонн пришедшей в негодность техники и другого имущества. И по всем этим повышениям или разжалованиям по службе на основании архивных документов можно писать историю Великой Отечественной войны.

Здесь я попытаюсь в силу своих литературных способностей и объёму накопившегося в моём домашнем архиве материала показать всего лишь один эпизод на фронте, характерный для того сурового военного времени, не причисленный к разряду героических или блестящих достижений военной мысли. Но по количеству жертв не уступающий всем другим тактическим операциям дивизионного звена, а значит, достойный изучения в своей исторической нише советского военного искусства. Пусть хоть в качестве примера, как не надо поступать на войне с десятью с половиной тысячами человек.

Речь пойдёт о боевом крещении 16-й Литовской стрелковой дивизии, приданной 48 армии (Командующий – генерал-лейтенант П.Л. Романенко) Брянского фронта (Командующий – генерал-лейтенант М.А. Рейтер) под командованием моего отца генерал-майора Ф.Р. Балтушис-Жемайтиса, под Орлом в феврале-марте 1943 г.

Об этом бое почти ничего не было известно вплоть до середины 80-х годов, и то впервые в Израиле, ибо одну треть дивизии составляли лица еврейской национальности. Потому что в истории советского периода нашей закрытой от мира страны, да и не только советского периода, было больше политики,

чем здравого смысла с её закрытыми архивными откровениями и документальными фактами. Которые могли бы в случае их обнародования представлять из себя бомбы замедленного действия для целостности страны и благополучия её верхушки в соответствии со словами французского полководца и кардинала де Ретца, что «на свете не происходит ничего, что не имело бы решающего значения».

Для наиболее полного раскрытия темы, понятия психологии и боевого настроения воинов дивизии необходимо вернуться на три года назад, к истокам становления соединения, доказавшей после первого неудачного боя в последующих сражениях на фронтах ВОВ с немецко-фашистскими захватчиками высокую боевую готовность и безупречное состояние духа всего личного состава.

В 1940 году после присоединения Прибалтики к Советскому Союзу и введения на её территорию советских войск сразу же встал вопрос о создании боеспособных частей и соединений в Литве, Латвии и Эстонии. Ибо старые буржуазные военные формирования на их территориях не отвечали веяньям времени и внезапно изменившейся геополитической ситуации во всём регионе.

Командующим Литовской народной армией, существовавшей в Литве с первых дней провозглашения ею независимости в 1918 году, в 1940 году был назначен литовец по национальности, имевший репутацию активного участника гражданской войны в Литве комбриг Балтушис-Жемайтис Феликс Рафаилович с присвоением ему звания бригадного генерала.

Армия имела следующую структуру.

Полки: 3 пехотных, 3 кавалерийских, 3 артиллерийских.

Отдельные батальоны: связи, бронированных машин, химической защиты, авиации, военной полиции.

Во главе армии стоял Военный министр, имевший в подчинении Генеральный штаб.

Воинские звания в армии были следующие: солдат, ефрейтор, младший унтер-офицер, старший унтер-офицер, старшина, лейтенант, капитан, майор, полковник-лейтенант, полковник, бригадный генерал, дивизионный генерал, полный генерал.

Солдаты служили в армии 18 месяцев.

Обстановка в Литве после ввода в неё советских войск была довольно сложной, противоречивой и непредсказуемой. Многие литовские солдаты и офицеры прямо высказывали недовольство насильственным присоединением Литвы к Советскому Союзу, введением новых порядков в армии и начавшимися репрессиями граждан. А посему отказывались принимать новую военную присягу, а то и просто подчиняться командованию. Оружие в войсках было устаревшим, а общее политико-моральное состояние личного состава оставляло желать лучшего.

Вполне очевидно, что такое положение дел в Литовской народной армии, как и в других иностранных формированиях в Прибалтике, волей-неволей

передавалось советским бойцам и командирам. Которые воочию вдали от своих домов увидели преимущества рыночной системы хозяйствования в буржуазной республике над распределительной у них на родине. И это не могло не беспокоить военное руководство Советского Союза и не породить у него ксенофобское отношение к подобного рода оперативным объединениям при разработке планов предстоящих военных действий с участием прибалтов.

Жемайтиса назначили на должность Командующего ЛНА благодаря его авторитету в войсках и в Литве, где он в конце 1918 – начале 1919 годов возглавил подготовку и руководство восстанием литовских коммунистов против немецких оккупантов в Шяуляе. Встав вскоре первым командиром полка и начальником Шяуляйской группы, успешно удерживавшей город в боях с кайзеровцами до подхода советских войск из Советской России. Гражданская война в Прибалтике, включая и в Финляндии, закончилась, как известно, не в пользу Советской России, лишившейся после неё своего авторитета на международной арене, а заодно и части территории на Украине в Белоруссии и всей Бессарабии.

Жемайтис после этой войны, как и до неё, участвует в боях против белогвардейцев на различных фронтах, войск панской Польши, в подавлении Тамбовского мятежа, находясь при этом на должностях от командира полка и выше. Учится в военной академии.

На должность Командующего ЛНА он командирован временно с должности преподавателя Военной академии им. Фрунзе, в которой работал с 1935 года и где успешно защитил кандидатскую диссертацию. Но началась Вторая мировая война и с мыслью о докторской научной степени пришлось расстаться.

Какое-то время в конце 30-х годов он находится под следствием по делу «Польской организации войсковой» с обвинением в руководстве в академии ячейкой этой организации. От ареста и репрессий его спасло присоединение Прибалтики к СССР и в связи с этим внезапная потребность в национальных кадрах для работы хотя бы на первых порах в Литве.

На посту Командующего ЛНА его ждала трудная рутинная работа по строительству боеготовой армии с литовскими генералами и офицерами старой буржуазной закваски, не особо горевших желанием служить новому советскому руководству. В дальнейшем многие из них были репрессированы, для чего у сотрудников НКВД на этот счёт имелись серьёзные основания в духе сталинской теории обострения классовой борьбы по мере развития страны и руководствуясь ленинским учением о «постоянном насилии над буржуазией как основном способе осуществления диктатуры пролетариата и гаранта победы социализма».

Как потом стало известно, полковник Масюлис оказался агентом Абвера, а генерал-майор Чернюс, назначенный на должность начальника штаба 29-го стрелкового корпуса, преобразованного из ЛНА, вообще дезертировал из армии при первых боях с немцами.

Вскоре ЛНА переформируется в 29-й территориальный корпус, согласно Постановлению СНК от 30 августа 1940 г., и командиром корпуса назначается генерал-лейтенант Виткаускас, бывший до этого Военным министром Литвы. Политическим комиссаром корпуса стал русский по национальности бригадный комиссар Данилов.

Начальником политотдела – полковой комиссар Мацияускас.

Корпус в своём составе имел две дивизии – 184-ю и 179-ю, и перед самой войной только-только начался процесс замены в нём литовских военнослужащих на прибывающих призывников и офицеров других национальностей.

По одному списку Жемайтис проходит как заместитель командира этого корпуса, но новое назначение по каким-то причинам не состоялось, и он возвращается в Москву на преподавательскую работу, но уже в Академию Генштаба вместе с новым командованием корпуса, которому предстояло у него учиться.

Видимо, такое перемещение накануне Великой Отечественной войны было вызвано недоверием руководства страны ко всем литовским генералам и старшим офицерам, не знавшего, куда приткнуть эту ораву представителей буржуазно-военной литовской интеллигенции.

В корпусе после отправки офицеров на учёбу в Москву продолжались аресты вплоть до 22 июня 1941 г., когда передовые части 3-й танковой группы Гота, переправившись через реку Неман южнее Каунаса, продвинулись за один день на 60 км.

184-я дивизия оказалась в окружении. 5 часов длился бой по выходу её частей из котла. Вырвались лишь моторизованные части, 619-й артполк, зенитный и противотанковый дивизионы.

Части же 179-й дивизии были рассеяны противником.

На исход первых боёв корпуса отрицательно сказались в первую очередь обоснованные, как потом оказалось, нерешительность и нежелание командования Прибалтийского военного округа задействовать его вместе с другими соединениями Красной Армии на направлении главного удара противника, опасаясь измены со стороны литовских военнослужащих.

Вот что говорил на следствии Командующий войсками Белорусского (Западного) особого военного округа генерал армии Д.Г. Павлов:

«Как я уже показывал, основной причиной быстрого продвижения немецких войск на нашу территорию являлось явное превосходство авиации и танков противника. Кроме этого, на левый фланг Кузнецовым (Прибалтийский военный округ) были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажима на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались. Это дало возможность немецким танковым частям нанести мне удар с Вильнюса...» (Газета «Труд» от 6 сентября 1994 г.).

Таким образом, в первые же часы боя с немцами 29-й стрелковый корпус прекратил своё существование, открыв им дорогу на Вильнюс. И лишь

отдельные его подразделения и части смогли вырваться из окружения, чтобы потом стать основой для формирования 16-й Литовской стрелковой дивизии, Постановление о котором было принято ГКО СССР 18 декабря 1941 года. Началось формирование соединения. В дивизию стали направляться годные к военной службе жители Литвы (не только литовцы), эвакуировавшиеся в глубь страны, а также литовцы – уроженцы сёл: Байсогала, Шедува, Ромува Новосибирской области; литовцы деревни Чёрная Падина Саратовской области (потомки литовцев, высланных в Поволжье после восстания 1863 г. в Польше и Литве); населённых пунктов Руднянского района Смоленской области и ряда других местностей Советского Союза.

Костяк при формировании дивизии составили офицеры корпуса, честно выполнившие свой воинский долг и эвакуированные в глубь страны вместе с остатками литовских частей и соединений. Это Карвялис, Урбшас, Петронис, Мотиека, Щуркус, Симонайтис, Киршинас, Битинайтис, Станиславичюс, Рудженис и др.

Формирование частей и подразделений началось 28 декабря 1941 г. и закончилось к июню 1942 года. Временно исполняющим должность командира дивизии на первом этапе её формирования был назначен полковник Чесноков. А с 15 января 1942 г. его сменил комбриг Ф.Р. Балтушис - Жемайтис, которому в мае того же года было присвоено звание генерал-майор.

Формирование проходило в посёлке Гидроторф Горьковской области, а с 13 марта 1942 г. части дивизии передислоцировались также в города: Балахна и Правдинск той же области.

К 10 августа 1942 г. дивизия была переведена на штат военного времени и достигла численности в 10374 человек и по своему кадровому составу являлась многонациональной.

По архивным данным по состоянию на 1 января 1943 г. в дивизии служили представители более 30 национальностей: литовцы, русские, украинцы, белорусы, грузины, латыши, эстонцы, поляки, казахи, татары, чувашаи и др. Большинство составляли литовцы – 32,8% солдат, 48% офицеров. Русских служило 29,9% как по офицерам, так и по солдатам. Евреи имели самый высокий показатель по солдатам – 34,2%. На 1 января 1942 г. в дивизии насчитывалась 171 женщина.

К концу формирования в соединении было 843 члена ВКП/б, 300 кандидатов и 981 комсомолец.

Заместителем командира дивизии по политчасти был назначен полковой комиссар Ионас Мацяускас, заместителем командира дивизии назначили кадрового офицера Литовской народной армии генерал-майора Владаса Карвялиса, начальником штаба полковника Генерального штаба Литовской народной армии Киршинаса. Начальником артиллерии стал ветеран Красной Армии полковник Ионас Жибуркус.

20 ноября 1942 г. дивизия по приказу Командующего войсками Московского военного округа передислоцировалась из Горьковской области в Чернский

район Тульской области. Затем начались изнурительные для личного состава многочисленные переходы из одного района в другой в условиях мороза, бездорожья, отсутствия нормального продовольственного снабжения и фуража. Люди от обморожений и голода выходили из строя, но дивизия в целом упорно продвигалась вперёд, несмотря на многочисленные трудности, потери и лишения.

Где-то в середине января на одном из переходов от сердечного приступа умер начальник штаба дивизии полковник Киршинас. Техника и службы тыла из-за глубокого снега отстали на марше.

Наконец, 18 февраля дивизия в ослабленном составе прибыла в разрушенную деревню Алексеевку. Везде валялись трупы солдат – наших и противника, чернели обгоревшие танки и орудия, что не лучшим образом сказалось на настроении бойцов перед предстоящими фронтовыми боевыми буднями. В этот же день дивизия вошла в состав 48-й армии Брянского фронта, а 19-го уже был получен приказ Командующего войсками этой армии о сосредоточении частей дивизии в районах: Алексеевки, Золотого Рога, Троицка, Протасово.

Новый переход оказался на пределе человеческих сил. Люди падали от усталости и истощения. Многие в безжизненном состоянии остались лежать на снегу. Машины буксовали, лошади, превратившиеся на марше в скелеты, обтянутые кожей, падали в изнеможении на снег, артиллерия и тылы безнадежно отстали. Людям пришлось тащить на себе снаряды, мины, тяжёлые пулемёты и боеприпасы к ним. В указанный район передовые подразделения прибыли полностью обессиленными.

Вот как описывает момент прибытия штаба дивизии на позиции 48-й армии участник тех событий старший лейтенант Ш. Скопас.

«... В то время, как командир дивизии генерал Жемайтис докладывал по телефону Командующему армией о том, что солдаты после изнурительного перехода нуждаются в отдыхе. Что личный состав не получает необходимого продовольствия и следует привести в норму боевые порядки, начальник политотдела (Мацяускас, прим. авт.) вырвал трубку из рук командира и доложил, что дивизия полностью готова к выполнению боевого задания...» (газета «Вечерняя Москва», 22.07.1991 г., статья «Медаль, пробитая осколком»).

А в это время в ротах дивизии насчитывалось по 6 – 8 человек, а в полках по 100 – 150. Без артиллерии, боеприпасов и продовольствия.

После столь бодрого рапорта дивизия получила приказ заменить части и подразделения 600-го стрелкового полка 143-й дивизии и остатки после недавнего боя 6-й гвардейской стрелковой дивизии и, наступая в направлении: Нагорная, Борисовка, ж/д станция Змиёвка - овладеть ими. Далее дивизии ставилась задача наступать в направлении Орла через населённые пункты Хорошевский и высоту 242,7.

Тут над сделать небольшое отступление в защиту отца, вынужденного своим молчанием согласиться с Мацяускасом.

Как известно, с 9 октября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии» институт комиссаров был заменён институтом заместителей командиров по политической части (замполитов), и полковник Мацяускас формально уже не был на равных с отцом в командовании дивизией. Он по своему статусу подчинялся отцу как один из его заместителей. Но всё же спорить с полковником такого уровня было опасно. Свежи ещё были воспоминания, когда пререкания с политработниками в конечном итоге поддерживались Главным политическим управлением Рабоче-крестьянской Красной Армии не в пользу кого-либо из командного состава – конституционную роль партии как руководящей и направляющей силы во всех сферах жизни страны ещё никто не отменял. И все несогласные с линией ВКП/б даже в мелочах безбожно наказывались на протяжении всей Великой Отечественной войны. Достаточно вспомнить одного только Начальника Главного политического управления РККА Мехлиса, обладавшего на фронте почти неограниченной властью, за трусость и невыполнение его приказов расстреливавшего даже генералов.

Так по его приказу в Советско-финляндской войне 1939 – 40 годов 29 февраля 1940 года без суда и следствия во дворе госпиталя посёлка Салми расстреляли командира 18-й стрелковой дивизии комдива Кондрашова. Начальник артиллерии 34-й армии Северо-Западного фронта генерал-майор артиллерии В.С. Гончаров 11 сентября 1941 года был расстрелян во внесудебном порядке перед строем штаба армии «за невыполнение приказа командования фронта и непринятие мер для спасения материальной части». Таким же образом был расстрелян Командующий 34 армией генерал-майор Качанов К.М.

В этой связи можно ещё вспомнить командира 253 стрелковой дивизии комбрига Неборака и его конфликт с комиссаром дивизии в апреле 1942 года, после которого он был отстранён от командования и исключён из партии. В ночь на 5 мая он застрелился. Все эти офицеры после войны были реабилитированы и останки некоторых из них были с почестями перезахоронены.

И таких примеров внесудебного разбирательства с расстрельными приговорами, достаточного для того, чтобы у командиров всех уровней выработался иммунитет самосохранения в конфликтах с политработниками в войсках было предостаточно. Поэтому мало кто осмеливался и после Указа от 9 октября 1942 года вставать в позу в споре с политработниками, тем более командирам из бывших царских офицеров, каковым являлся отец, верой и правдой служивший России на фронтах Первой мировой и гражданской войн. И у которого жена являлась дочерью войскового старшины Окружного атамана Усть-Медведицы Хрипунова Василий Георгиевич, расстрелянного большевиками в марте 1920 года под Новороссийском. И проходившего в 30-х годах по делу о «Польской

организации войсковой», где он фигурировал как руководитель ячейки этой организации в Академии имени Фрунзе, работая с 1935 по 1940 годы преподавателем этой академии. Тем более, когда дело о «контрреволюционной деятельности» отца ещё не было закрыто, а возможное его упрямство ничего бы не изменило – дивизия была приговорена к расстрелу, с ним во главе дивизии или без него. И хоть отец по природе был смелым человеком, что доказал на фронтах Первой мировой и гражданской войн, нельзя было перечить, как в дальнейшем оказалось, планам самого Сталина, собиравшегося после побед под Москвой и Сталинградом в режиме турбулентности закончить войну в Берлине уже к декабрю 1943 года. И для этого не жалевшего ни людских жизней, ни материальных средств. Такое было время, время проб и ошибок, когда брошено было всё на жертвенный алтарь Победы в Великой Отечественной войне и Второй мировой в целом.

Против литовской дивизии оборонялись остатки 45-й пехотной дивизии и подразделения недавно переброшенных на этот участок 101-го пехотного и 501-го миномётного полков авиадесантной дивизии немцев. Причём, противник хорошо успел подготовиться к обороне в инженерном отношении, были видны несколько рядов колючей проволоки, минные поля и ледяные валы.

Наступление было назначено на 9 часов утра 22 февраля, когда уже будет светло, и будет видно, куда наступать.

Оценив обстановку, командование дивизии приняло решение усилить атакующие части за счёт тыловых подразделений и для этого всех писарей, поваров, связистов, фельдшеров и т.д. направить на передовую.

А разобравшись на местности, штаб дивизии вместе с командиром дивизии шифротелеграммой внесли следующее предложение в штаб армии (без номера):

«Ввиду того, что в полосе наступления дивизии в районе Верхняя и Нижняя Сергеевка, Емельяновка имеются сильные узлы сопротивления, и такой же узел сопротивления имеется в районе нас. пункта Хорошевский, и оба эти узла сопротивления на флангах наступающей дивизии хорошо просматриваются и наблюдают за продвижением атакующей пехоты. И, опираясь на эти узлы сопротивления, противник легко может отрезать тылы дивизии от первых эшелонов, а сосед справа и слева у противника малочисленный и активных действий не проявляет, комдив просит Командарма изменить фронт развёртывания дивизии для наступления вместо основного направления: Нагорная – Борисовка, - на направление: Натальино, Егорьевка, Хорошевский и далее в ранее указанных границах - с тем, чтобы в первую очередь ликвидировать узел сопротивления «Хорошевский» и при дальнейшем наступлении дивизии не иметь угрозы хотя бы на один её фланг».

В 18.00. 22.02.1943 г. в ответ на предложение комдива Командарм приказал (шифротелеграмма № 21.2): «... Выполняйте поставленную задачу.

Готовность в 24.00. 22.02.». То есть никакой самодеятельности и творческого подхода к предстоящей операции. И, как показало дальнейшее развитие событий, всё это наступление заранее обречённое на поражение с огромными людскими потерями, ослаблением Брянского (вскоре Центрального) фронта закончилось выводом наполовину разгромленной дивизии во второй эшелон армии.

Чтобы понять, что же произошло дальше, увидеть эту людскую трагедию под разными углами зрения и тем самым окрасить её в разные тона восприятия, самое время предоставить слово участникам того первого боевого крещения, ставшего для многих бойцов дивизии последним. Началась грандиозная в масштабе соединения и самая заурадная для Красной Армии бойня.

Соизмеримая по количеству жертв и масштабу трагедии разве что с резнёй «Варфоломеевской ночи» 1572 г. в Париже или с легендарной гибелью парохода «Титаника» в 1911 г. в водах Северной Атлантики. И всё это по совокупной вине многих советских должностных лиц, взявших на себя ответственность за исход операции под Орлом. Виноват и командир дивизии, не сумевший отстоять своё мнение перед Командармом вплоть до остановки на марше частей и подразделений для подтягивания тылов, игнорируя тем самым планы и приказы вышестоящего командования, чтобы действовать в соответствии со сложившейся обстановкой и реалиями дня. Но в то суровое время, как я уже писал, такая самодеятельность грозила полным крушением всех личных планов, а то и лишением карьеры или даже жизни. И по сути ничего не меняла для самой дивизии, брошенной на прорыв, как потом оказалось, самим Сталиным. А посему не жалевшего для достижения этой цели миллионы жизней советских бойцов и командиров, бросая их каждый день на новые и новые хорошо укреплённые позиции противника на всех фронтах страны.

А вот что пишет о том первом бое Герой Советского Союза гражданин Израиля полковник Вульф Виленский («Повороты судьбы», издательство «Кахоль-Лаван», Иерусалим, 1986 г.):

«... В соответствии с приказом в наступление должны были перейти одновременно все соединения 48-й армии...

И вот появилась авиация в небе, но это была авиация противника. В пикирующем полёте 19 немецких самолётов бомбили и расстреливали наших людей, прижавшихся к земле и ожидающих приказа о наступлении. На снегу оставались трупы – результат преступной безответственности командования – как руководства Литовской дивизии, так и командования 48-й армией, которое слепо поверило заверениям Жемайтиса и Мацияускаса о готовности дивизии к немедленным боевым действиям.

23 февраля бомбардировка повторилась.

24 февраля после лёгкой артподготовки (не хватало снарядов) части дивизии перешли в наступление. Но какое это было наступление! Мало кто дошёл до проволочных заграждений, большинство было убито или ранено ещё в нейтральной полосе. Некоторые смельчаки добрались до проволоки, но так и

остались на ней висеть – мертвецами. Подразделения 167-го полка наступали при поддержке 7 танков, и последним удалось прорваться на западную окраину деревни Нагорная. Но, оказавшись без пехоты, танки повернули назад...

Мясорубка продолжалась! Никто уже не требовал от дивизии наступать на Орёл, никто уже не настаивал на взятии станции Змиёвки. Требовали хотя бы прорвать оборону противника и занять деревню Нагорная и нас. пункт Хорошевский. Но и этого мы не смогли сделать. Дивизия понесла страшные неоправданные потери...

При поддержке 7 танков, отошедших назад из Нагорной, подразделения 156-го полка всё-таки овладели важной в тактическом отношении высотой 242,7 севернее Хорошевского и закрепились там. Мощным огнём противника дальнейшее продвижение полка было приостановлено.

Решением Командующего 48-й армией дивизию перевели на другой участок, чтобы наступать в направлении деревни Никитовка, овладеть ею и выйти на рубеж реки Неручь. Но и на этот раз успех не сопутствовал частям дивизии. В ночь с 27 на 28 февраля нам на смену пришли подразделения 6-й гвардейской дивизии, которая получила значительное пополнение.

6 марта части дивизии перешли в наступление в направлении дер.

Никитовки. Однако снова ничего не добились. В течение двух недель продолжались бессмысленные бои по прорыву обороны немцев. Огромные потери и ничтожные результаты этого безумного наступления заставили командование 48-й армии вывести дивизию во 2-й эшелон армии...».

Это свидетельство 1986 г. непосредственного участника того боя, не прошедшее бы через советскую цензуру, ибо писалось оно в Израиле, вне зоны действия идеологов от КПСС, а посему показавшее довольно мрачную картину далёкого уже по времени кровавого и бессмысленного побоища, унёсшего половину личного состава дивизии.

А вот другие воспоминания ветерана 16-й ЛСД, тоже из Израиля, и по-своему показавшее тот первый бой. Слово предоставляется Соломону Коэнцедеку.

«... 21 февраля на рассвете наши полки сменили на передовой 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая потеряла в предыдущих боях более половины своих бойцов.

В тот же день утром в направлении деревни Нагорная, одного из основных опорных пунктов немцев, были посланы разведчики 167-го стрелкового полка. Данные разведки позволили уточнить расположение позиций и систему огня противника. Подходы к его траншеям были заминированы, окружены несколькими рядами колючей проволоки, противотанковыми рвами и высоким ледяным валом.

Немцы построили долговременные огневые точки. Несколько танков они врыли в землю и использовали для стрельбы прямой наводкой из пушек и пулемётов.

22 февраля утром над нами, серебристо поблескивая, повисла в воздухе рама – двухфюзеляжный немецкий самолёт-разведчик «Фоке-Вульф». Вскоре над нами появились 20 немецких бомбардировщиков. Началась страшная карусель – свист бомб, болванок, разрывы, крики, стоны раненых. В этот налёт авиации противника погибло и было ранено около 400 солдат и офицеров дивизии.

24 февраля, ещё до рассвета, наша пехота вышла на исходные позиции для атаки. В рассеивающихся сумерках бойцы на снегу хорошо были видны противнику, они как бы превратились в живые мишени.

Артподготовка атаки продолжалась всего 15 минут. На огневых позициях было несколько батарей 76-мм орудий и очень мало снарядов. Разрушить ледовый вал, за которым надёжно укрылись немцы, подавить их огневые точки могла только тяжёлая артиллерия, но её не было. Гаубичные батареи артполка застряли у железнодорожной станции Красная Заря без горючего. Пехота три раза поднималась в атаку, и каждый раз вынуждена была отойти с большими потерями.

Тяжело оторваться от земли и идти в атаку, когда воздух пропитан металлом, а немцы вели шквальный огонь.

Кровопролитные бои продолжались и в последующие дни и ночи. Однако прорвать оборону немцев тогда не удалось. 18 марта наша дивизии, как и другие дивизии фронта, перешли к обороне».

Свидетельство короткое, но в целом дополняющее предыдущее.

А вот изложение боя советского подполковника-чекиста, находившегося в то время в дивизии в должности следователя особого отдела НКВД Е.Я. Яцовскиса.

«... 23 февраля Красная Армия своё славное 25-летие отмечала сокрушительными ударами по врагу. Наши Вооружённые Силы на многих участках фронтов гнали врага с советской земли, и мы с нетерпением ждали приказа о наступлении...

Началось! 156-й полк атакует господствующую на местности высоту 139,4. После короткой артподготовки пехотинцы поднимаются в атаку. Они рвутся вперёд, несмотря на губительный огонь противника, глубокий снег, стремительно врываются в немецкие окопы, огнём и гранатами выбивают гитлеровцев из дзотов и блиндажей. Так была взята важная высота (очевидно, речь идёт о высоте 242,7, прим. авт).

С такой же самоотверженностью воины 167-го полка дрались за дер. Хорошевское со стороны деревень Егорьевка и Крестьянка. Подразделения достигли проволочных заграждений на опушке леса, дальше продвинуться не смогли. Заместитель командира по политчасти 156-го полка, член партии с 1925 г. Пранас Гужаускас с возгласом «За Родину вперёд!» поднял бойцов в атаку и был сражён вражеской пулей у самого проволочного заграждения. Взять деревни Хорошевское и Нагорная не удалось. Гитлеровцы успели здесь хорошо укрепиться, установили минные заграждения, прикрыв защитными

стенками из намороженного льда свои огневые точки, закопав в землю танки, из которых вели прицельный огонь.

Потери мы несли и от огня вражеских снайперов. Видимо, ожесточённое сопротивление гитлеровцев на этом участке фронта было вызвано не стремлением удержать две-три деревни или высоты, а во что бы то ни стало сохранить за собой г. Орёл, имеющий для них важное стратегическое значение.

1 марта. Южнее дер. Егорьевка 249-й и 167-й стрелковые полки продолжают атаковать позиции врага у высоты 235,0. За ней – сильно укреплённая противником дер. Никитовка. Люди воюют самоотверженно, трудно даже понять, откуда у них берётся столько сил. Исходные позиции роты заняли ещё до рассвета и стали ждать сигнала для атаки. Стремительному броску мешал глубокий снег. Прижатые к земле сильнейшим огнём противника бойцы окопались на достигнутом рубеже, который удерживают четвёртый день. Доставка питания, особенно горячей пищи, сложна и личный состав получает её нерегулярно. Стоят лютые морозы.

3 марта. Вместе со старшим опероуполномоченным Й. Юргайтисом был на командном пункте 249-го стрелкового полка. 2-й батальон полка продолжает безуспешные попытки овладеть высотой 235,0. Красноармейцы находятся на расстоянии 100 – 150 метров от вражеских позиций. Однако преодолеть этот отрезок и ворваться в немецкие окопы не удаётся. Опять началась пурга. Нашим ребятам приходится постоянно быть в движении, чтобы не замёрзнуть.

8 марта. Идут упорные бои за Никитовку. 167-й стрелковый полк обошёл высоту 235,0 справа и наступает со стороны дер. Экономично. Наши артиллеристы неплохо поработали, причинив позициям врага значительный урон. Но гитлеровцы не отступают.

9 марта. Ряды подразделений в стрелковых полках настолько поредели, что приходится их пополнять за счёт штабов и тыловых подразделений. В последние дни такие меры предпринимаются уже вторично...

После безуспешных наступательных боёв дивизия перешла к обороне.

16 марта. После нескольких дней передышки части дивизии вчера вновь начали активные боевые действия. Объект наших яростных атак – та же деревня Никитовка. Артиллерия открыла мощный огонь, разрушая укрепления противника. В Никитовке, казалось, подавлены все огневые точки врага.

Бойцы 156-го и 167-го стрелковых полков дружно поднялись в атаку, но быстро приблизиться к деревне опять помешал глубокий снег, а ожившие после артобстрела огневые средства врага открыли яростный огонь.

Подразделения атакующих несли большие потери, а когда осталось сделать решающий бросок и овладеть деревней – сил для этого уже не было...»

Последнее свидетельство 1985 года отличается от предыдущих только духом приснопамятных советских времён газетным героическим пафосом и всеобщим настроем на ратные подвиги и героизм всего личного состава дивизии, рвущегося в бой с немцами даже после изнурительного 400-километрового перехода из Горьковской области в Тульскую на Брянский фронт. И не мне судить о политико-моральном состоянии бойцов дивизии перед первым боем. Меня в то время и на свете не было.

Возможно, всё было именно так, как пишет Яцовскис, хотя опыт подсказывает, что истину здесь надо искать где-то посередине. Ведь общеизвестно, какую политику немцы проводили в Литве сразу же после её оккупации в июне 1941 г., политику онемечивания населения республики, включения её в состав «Великой Германии», с этой целью разогнав сформированное при них же в Каунасе литовское буржуазное правительство. А здесь какое-никакое, но своё родное литовское во главе со Снечкусом, и не важно, что оно марионеточное, ибо есть надежда, что после войны Литва наравне с другими прибалтийскими республиками получит особый статус в СССР, а значит, можно и повоевать за лучшие времена для родной страны и всех народов её населяющих. Тем паче, когда все демократические страны Запада и Америки ополчились против Гитлера. К тому же, чтобы просто выжить, нужно подчиняться тем правилам игры, которые навязываются здесь. Ведь другого не дано.

И нельзя сказать, что в отношении Литовской дивизии проводилась какая-то особая политика дискриминации со стороны Советского командования – все дивизии на фронтах несли огромные потери и пример тому – соседняя, 6-я гвардейская.

Наверное, именно так или примерно так размышляли бойцы и командиры дивизии – ведь за каждым словом пропагандистов и политработников скрывается истинный смысл происходящего (часто не имеющий ничего общего с действительностью), но очень важно, чтобы эти слова резонировали в душах в унисон с чаяниями и желаниями их внимающих. К тому же одну треть соединения составляли люди еврейской национальности. И это только разговаривавшие на идиш (Арон Шнеер, «Плен», прим. авт.). В действительности их было гораздо больше, ибо многие литовские евреи при получении паспорта выбирали другие национальности, чтобы стать равноправными гражданами советской Литвы или просто так – на всякий случай. Вспомним Москву конца 60-х годов, когда многие Ивановы, Петровы и Сидоровы, русские по рождению и национальности, после победоносной Шестидневной войны израильтян на Ближнем Востоке, вдруг в одночасье оказавшись евреями, стали массами проситься в Израиль на родину своих предков.

Поэтому нет ничего удивительного, что настроение бойцов литовской дивизии было на победу и самопожертвование. Люди, действительно, рвались в бой, чтобы свести счёты с немцами за свои и своих родных и близких страдания на оккупированных землях и в лагерях смерти.

К тому же под Орлом им просто некуда было деваться – впереди немцы с их концлагерями и газовыми камерами, сзади генералы с золотыми погонами, заградотрядами и военно-полевыми судами.

А посему в информаторах недостатка не было, и армейские особисты регулярно получали сведения о настроениях бойцов и офицеров дивизии. Поэтому не было ни массовых переходов к врагу, ни открытого неповиновения командирам. Все единичные случаи попыток измены пресекались на корню и самыми радикальными способами.

Но люди и без угроз репрессий были готовы к тяжёлым изнурительным боям, что и подтвердилось в дальнейшем за месяц их яростных и кровопролитных атак на позиции немцев, проявляя при этом массовый героизм.

Недаром самый большой процент Героев Советского Союза в годы ВОВ приходится именно на евреев.

Теперь эпилог всей этой драмы, разбор боевых действий, нелицеприятные выводы в атмосфере военно-бюрократической суеты и нервозности, когда страсти в среде армейского руководства ещё не улеглись, а послеразгромные сваливания вины друг на друга за огромное количество убитых и раненых только начали набирать обороты.

Сначала о потерях и причинах поражения. За время боёв с 20.2. по 20.3. 1943 г. дивизия понесла потери:

- убито 1328 чел,
- ранено 3275,
- пропало без вести – 159,
- заболело, обморожено – 122.
- Итого потери – 4884 чел.

И это только на 20 марта 1943 года, когда многие раненые ежедневно переходили в разряд убитых.

Причины:

«1) Дивизия наступала на фронте 4 км, имея на правом фланге сильный укреплённый узел сопротивления: Сергеевка, Емельяновка и на левом фланге – Хорошевский с хорошими наблюдательными пунктами. Из этих узлов сопротивления, где вся полоса наступления дивизии простреливалась фланкирующим пулемётно-миномётным огнём, дивизия оказалась в огненном мешке ввиду того, что узел сопротивления Хорошевский огнём соседей подавлен не был.

2) Недостаточная артподготовка и слабая поддержка артиллерией пехоты дала возможность противнику использовать все свои огневые средства против наступающей дивизии. Противник имел заранее хорошо подготовленную систему обороны с хорошей организацией артиллерийского и миномётного огня. Авиация противника при исключительно слабых зенитных средствах и отсутствии авиации с нашей стороны господствовала в воздухе и наносила сильнейшие удары по нашим боевым порядкам.

3) Дивизия была введена в бой непосредственно с марша, не подтянув матчасти артиллерии и тылов (гаубичные батареи отстали в пути на 20 дней из-за отсутствия горючего). Обеспеченность снарядами была минимальной, четверть боекомплекта. Отсутствовало нормальное продовольственное снабжение, в первые дни войны дивизия не имела абсолютно продовольствия и фуража. Сильный мороз снижал темпы наступления, открытая местность демаскировала наши боевые порядки.

4) Имели место тактические недочёты:

- густота боевых порядков;
- неумение самоокапываться и маскироваться;
- недостаточное умение в применении огня пехоты;
- медленный темп движения вперёд;
- недостаточное взаимодействие с артиллерией, из-за

отсутствия снарядов наступление велось без подготовки, а только после слабого 3 – 5 минутного огневого налёта, при этом результаты артогня не всегда использовались».

(ЦАМО, журнал боевых действий 16-й Литовской стр. дивизии, ф.1079, оп.1, коробка 10675.

Общие потери дивизии, подсчитанные сразу по окончании боевых действий и вызывающие недоверие своей заниженностью, дают представление об интенсивности боёв, когда дивизии сначала ставилась задача на прорыв фронта и наступление на Орёл. Затем только на прорыв фронта и в конце этой бойни – взять хотя бы одного языка.

Ни с одной из этих задач дивизия не справилась. Хотя по воспоминаниям Соломона Коэнцедека во время боёв за Змиёвку разведчики проникли на станцию и взорвали на ней несколько эшелонов с боеприпасами. Ему об этом стало известно из разговора с бывшим немецким командиром полка, который в то время во главе своей части оборонял станцию и с которым Коэнцедек встретился после войны на отдыхе в Дубровниках в Югославии. По словам этого немца: «Снаряды и мины рвались, вагоны и цистерны с горючим горели». Об этом эпизоде не знают даже ветераны 16-й ЛСД.

То ожесточение, с которым немцы защищали Змиёвку, было вызвано тем обстоятельством, что они планировали летом изменить весь ход войны в свою пользу. И станция им была необходима, как воздух, для снабжения своих войск и обеспечения широкомасштабного наступления на всём фронте.

В своей книге «Генеральный штаб в годы войны» на стр.107 генерал армии С.М. Штеменко так пишет о боях под Орлом: «Сталин лично контролировал подготовку операции. И когда Командующий Брянским фронтом заикнулся было относительно отсрочки боевых действий **НА ОДИН ДЕНЬ**, Верховный резко отчитал его». Ибо рассчитывал к концу 1943 года победоносно закончить войну именно непрерывными атаками

немецких позиций, которые, несмотря на большие потери, не позволяли противнику перебрасывать войска с одного фронта на другой, повсеместно сковывая его оборону.

Вскоре после всех этих описываемых событий Брянский фронт был переименован в Центральный и Командующим фронтом стал К.К. Рокоссовский. Под Орлом с новым назначением Командующего фронтом наступательные боевые действия прекратились.

Вот как пишет об этом сам К.К. Рокоссовский в книге «Солдатский долг» на стр. 200: «Нет, всё-таки наступать нам сейчас не время, только напрасно ослабляем свои силы». Со своими выводами он обратился к Сталину.

Цитирую дальше: «Мой доклад возымел действие. Во второй половине марта Ставка приняла решение о нецелесообразности продолжать наступление на Орёл. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом».

После первых боёв 16-й Литовской стрелковой дивизии был снят с должности командира дивизии генерал-майор Жемайтис. Командиром соединения стал генерал-майор Карвялис.

5 июля 1943 г. началась знаменитая операция на Курской дуге. 16-я Литовская сд сначала участвовала в обороне, а в июле-августе уже в наступлении на Орловском направлении.

В последующих боевых действиях соединение прошло с боями 386 км, освободило 648 населённых пунктов. В боях было убито и ранено 34 тысячи солдат и офицеров противника. Взято в плен 12 тысяч. Было уничтожено и захвачено 114 танков, 265 орудий и миномётов и много другой военной техники противника. Дивизии было присвоено наименование «Краснознамённой Клайпедской».

Во второй половине 1955 года 16-я Литовская сд была расформирована как национальное соединение «в связи с националистическими выступлениями в республиках Закавказья».

«Отдел кадров

Сов. секретно

Постановление

Если Жемайтис не возьмёт дивизию в руки, придётся его заменить

военного совета
48-й армии 25 февраля
1943 г. №8

Рейтер, Сусайков.
12.3.43 г.

Действующая армия.

За два дня участия в боях 16 сд показала крайне низкий уровень боеспособности и дисциплины. Несмотря на длительное пребывание в тылу и имевшиеся возможности организовать обучение частей соответственно указаниям нового Боевого Устава пехоты, полки дивизии, как показало их участие в боях, строят боевые порядки неграмотно, из-за чего несут ничем не оправданные потери, отрицательно сказывающиеся на темпах наступления и снижающие моральное состояние подразделений.

167-й полк дважды без приказа отходил с занимаемого рубежа и в конце концов самовольно оставил дер. Нагорную.

Из-за плохой маскировки и непринятия мер к открытию огня из винтовок, пулемётов и противотанковых ружей дивизия в первый же день сосредоточения к полю боя понесла значительные потери (до 400 человек) от налёта вражеской авиации.

Ввиду низкого уровня дисциплины в полках наблюдались случаи оставления красноармейцами поля боя под предлогом сопровождения раненых, различного рода сопровождающих и т.д.

Дороги к передовым частям расчищены плохо, что отрицательно сказывается на состоянии конного состава и тормозило дело своевременной доставки боеприпасов и продовольствия к передовым частям и крайне мешают нормальной эвакуации раненых.

В местах сосредоточения обозов, санитарных учреждений и артиллерии царит недопустимый хаос, который при налёте авиации может нарушить боевую устойчивость всей дивизии и вызвать панику, которая может передаться затем на передовые части.

Тылы дивизии растеряны, продукты от дивизии отстали. Медсанбат не прибыл. Гаубичная артиллерия к полю боя не подтянута, боеприпасы ещё в пути и в артиллерийских подразделениях их недопустимо мало.

Мер к наведению твёрдого порядка в дивизии не принято, никто из виновных за допущенные безобразия не наказан, что культивирует рост ещё большей безответственности у многих командиров и политработников.

Политическая работа не нацелена в сторону ликвидации перечисленных безобразий и мало содержит в себе элементов подлинного боевого, основанного на опыте боевых действий, воспитания бойцов и командиров.

Военный совет постановляет.

1) За низкий уровень требовательности и за отсутствие в частях твёрдого порядка, который мог бы обеспечить успех в бою, командира дивизии генерал-майора Жемайтиса предупредить о неполном служебном соответствии.

2) Зам. командира дивизии по тылу полковника Гудялиса за потерю управления тылами и необеспеченность дивизии продовольствием и боеприпасами снять с занимаемой должности и отдать под суд.

3) Зам. командира дивизии по политчасти бригадному комиссару Мацияускасу за плохую организацию политработы в частях и неправильное использование Подива объявить выговор.

4) Прокурору армии и начальнику особого отдела немедленно выехать в дивизию для расследования обстоятельств самовольного оставления дер. Нагорная с тем, чтобы виновных в этом предать суду. Нач. штаба армии немедленно направить в полосу сосредоточения дивизии заградотряд №1 для задержания самовольно оставляющих поле боя и расстрела бегущих.

5) Командиру дивизии генерал-майору Жемайтису и его заму по политчасти бригадному комиссару Мацияускасу в трёхдневный срок навести в частях твёрдый порядок (подтянуть части, собрать тылы, разбросанные боеприпасы и т.д.), укрепить дисциплину и организовать такую политическую работу, которая бы укрепила боеспособность дивизии.

Находящемуся в дивизии зам. командующего армией полковнику Колганову и зам. начальника политотдела армии полковнику Яковлеву проследить за выполнением настоящего постановления и силами, находящимися в их распоряжении, командиров и политработников организовать необходимый контроль за проведением в жизнь настоящего постановления. Не выполняющих требований Военного Совета предавать суду и направлять в штрафные части.

Настоящее постановление объявить командному и начальствующему составам до комбата включительно.

Командующий 48 армией
генерал-лейтенант Романенко

Члены военного совета 48 армии
Генерал-майор Истомин
полковник Соболев».

Это постановление примечательно тем, что было уже составлено на второй день фактического наступления дивизии. Когда обстановка не была ещё до конца ясной и результат, казалось бы, не мог быть заранее предрешён. Что свидетельствует о заведомо обречённом характере боя и скорой попытке должностных лиц 48 армии этим постановлением снять с себя ответственность за результат в целом всей операции по прорыву фронта, свалив всю ответственность на Жемайтиса, бойцов и командиров дивизии.

«СССР НКО
Штаб 16 лит. стр. дивизии
10 марта 1943 г.

Срочно
Сов. секретно
№ 0014

(Наискосок, прим. авт.) Просить о назначении следственной комиссии

Генерал-лейтенант Романенко
10.3.43 г.

Командующему 48 армией
Копия: Секретарю ЦК ВКП/б Литвы
тов. Снечкусу

РАПОРТ

16 литовская стрелковая дивизия, введённая в бой 20 февраля 1943 г. и 9 марта того же года понесла огромные потери, выражающиеся суммой больше 4 тысяч человек, что составляет около половины дивизии, прибывшей на фронт.

К настоящему моменту дивизия, понеся эти огромные потери, является мало боеспособной.

Для того, чтобы дивизия с большей пользой дальше могла участвовать в Отечественной войне, её необходимо срочно пополнить командным и резервным составом.

В связи с тем, что дивизия является представительницей всего литовского народа, в рядах которой были собраны лучшие его представители и весь партийно-советский актив Советской Литвы, вынужден обратиться к Вам с настоящим рапортом и ходатайствовать довести его до Верховного Главнокомандующего Маршала Сов. Союза тов. Сталина.

Прошу возбудить ходатайство перед Верховным Главнокомандующим о назначении комиссии для расследования причин столь огромных бесславных потерь за такой короткий срок вверенной мне дивизии.

В связи с тяжёлой обстановкой, создавшейся, как в самой дивизии, так и вокруг неё, вынужден дать сейчас уже некоторые пояснения и просить Вашей помощи.

1) В конце 1942 г. дивизия была передана в состав Брянского фронта полностью укомплектованной с наличием положенных запасов.

После прибытия в состав Брянского фронта дивизия по указаниям вышестоящих органов лишилась всех своих запасов и до настоящего времени снабжается чрезвычайно нерегулярно. Красноармейцы и командиры получают только часть положенного им пайка. Особенно тяжёлое положение сложилось с фуражом. Уже больше 10 дней дивизия не получает овса, а добывание сена на месте сейчас уже встречает огромные трудности. Конский состав, благодаря большой работе, пришёл почти в негодное состояние.

2) Не будучи обстрелянной, дивизия получила чрезвычайно ответственную задачу, выполнить которую не могла. Причина этих неудач не только в недостатках боевой подготовки, но главным образом в том, что выполнение этих задач было совершенно не обеспечено. В первый бой дивизия была брошена голодной, усталой, с очень небольшим количеством огнеприпасов, почти без всякой поддержки средств усиления. Первые огромные потери дивизия понесла ещё, не будучи в соприкосновении с противником и только благодаря тому, что она заняв исходное положение, целых два дня лежала на открытой площадке, расстреливаемая огнём миномётов, артиллерии и авиации противника.

Убедительно прошу в дальнейшем оказывать дивизии организованную помощь со стороны Ваших многочисленных средств усиления.

3) Помощь Ваших работников, командования и штаба пока не принесла дивизии никакой пользы, а наоборот, привела в растерянность командный состав вверенной мне дивизии. Непрерывный мат и указания со стороны Вашего заместителя полковника Колганова понижает нашу работоспособность.

Один факт буквально деморализовал работников штаба дивизии. Полковник Колганов, идя в штаб, по дороге получил совершенно неверные и неправильные сведения о якобы бегстве с фронта литовского батальона. Тов. Колганов, придя в наш штаб, не говоря никому ни слова, вызвал по телефону командира 6 гвардейской стрелковой дивизии и громким голосом на весь штаб отдал приказ ему немедленно открыть огонь двумя станковыми пулемётами по соседнему литовскому батальону.

Такие и подобные факты чрезвычайно деморализовали комначсостав штаба и частей дивизии. Прошу пересмотреть способы Вашей помощи вверенной мне дивизии.

4) В бесплодных попытках прорвать организованную оборону противника дивизия понесла огромные потери. Член Военного Совета армии генерал-майор Истомин на собрании командиров частей всей армии без всякого повода, без всяких фактов объявил дивизию сборищем самострельщиков.

5) Приказом Военного Совета Брянского фронта дивизия объявлена опозорившей себя на полях Отечественной войны. Этот вывод сделан на основании того, что дивизия не выполнила поставленных задач. Считаю совершенно не правильным и не заслуженным такое клеймо, наложенное на дивизию. Не вина бойцов и командиров в том, что они не выполнили поставленные задачи. Они мужественно пытались выполнить эти задачи и очень многие сложили свои головы перед немецкими укреплениями или остались до конца жизни калеками.

Не было ни одного случая отказа со стороны частей или подразделений идти в наступление. Не было ни одного случая самовольного отхода частей назад и не было случая перехода на сторону врага даже небольшой группы бойцов или командиров.

Убедительно прошу Вас довести мой рапорт до Верховного Главнокомандующего и дать возможность дивизии в нормальной обстановке доказать свою преданность социалистической Родине и искреннее желание участвовать с пользой в деле разгрома немецких захватчиков – вековых врагов литовского народа.

Командир 16-й Литовской стрелковой дивизии

Генерал-майор Жемайтис

Верно пом. начальника стр. отдела».

Сов. секретно

Экз. №1

Без даты

Командующим войсками Брянского фронта представлен рапорт командира 16 литовской стрелковой дивизии генерал-майора тов. Жемайтиса за №0014 и прошу о назначении следственной комиссии.

По существу рапорта докладываю:

16 лит. стр. дивизия 8 месяцев находилась в глубоком тылу, имея полную укомплектованность личным составом и автотранспортом, вооружением, конским составом.

Дивизия вошла в подчинение 48 армии 16.2.43г. Прибытие дивизии в район сосредоточения проходило крайне неорганизованно: дивизия растянулась, прибыла без тылов, без запасов продовольствия, фуража, горючего и боеприпасов. Даже на людях не было установленной суточной дачи продовольствия. Вся артиллерия, в том числе и батальонная и полковая, отстала и собиралась несколько дней, а гаубичные батареи подтянулись только в начале марта.

За время с 20.3.43г. по 8.3.43г. дивизии выпало 3 боевые задачи, но за указанный период дальше исходного положения для наступления почти не пошли (так в тексте, прим. авт.), имея во всех случаях огромное превосходство над противником, как над его живой силой, так и над техникой.

В течение 4 дней, с 20 по 23.02. включительно наступление дивизии откладывалось ввиду материальной необеспеченности и отставания дивизионной и полковой артиллерии.

В первый же день прибытия дивизии ей была оказана помощь выдачей хлеба за счёт 6 гвардейской стрелковой дивизии. Только халатностью руководства 16 лит. стр. дивизии можно объяснить прибытие в район сосредоточения дивизии без всяких запасов, тем более если учесть, что дивизия следовала в этот район через базы и станции снабжения фронта и 48 армии.

За указанный выше период времени дивизия потеряла около половины своего личного состава.

Дело материального обеспечения дивизии (продовольствием, фуражом, боеприпасами и горючим) до сих пор не налажено, несмотря на неоднократную помощь дивизии армейским автотранспортом, хотя 16 лит. стр. дивизия имеет достаточное количество своего автомобильного транспорта.

Питание людей и лошадей 16 лит. стр. дивизии даже спустя почти 3 недели после её прибытия происходит с крупными перебоями.

Дивизия показала себя в боях недостаточно устойчивой. За указанный срок имели место случаи самовольного ухода с фронта 3 батальона 156 стр. полка (комбат приговорён к расстрелу). В бою в ночь с 6 на 7.3.43г. 2-й батальон 156 стр. полка ворвался на южную окраину Никитовки, но тут же отошёл обратно по команде какого-то провокатора и изменника назад.

Часть подразделений 167 стр. полка в бою 26.3.43г. находилась на южной окраине Нагорной, но без особых оснований оставили тут же исходное положение.

В ночь с 7 на 8.3.43г. 1-й батальон 156 стр. полка, наступая в обход Никитовки с юга, сразу после наступления темноты растерял половину своего состава, которая, вместо движения вперёд, ушла в тыл.

Бой показал, что боевая подготовленность и сплочённость 16 лит. стр. дивизии стояли на низком уровне. Новые боевые порядки не были усвоены. Командный состав подготовлен слабо. Вопросы взаимодействия пехоты со своими огневыми средствами, артиллерией и танками отработаны плохо. В командном составе и бойцах не были воспитаны решительность и стремительность в действиях, упорство и настойчивость в достижении поставленных задач.

Командующий 48 армией генерал-лейтенант Романенко
Член Военного Совета армии генерал-майор Истомин»

Военному Совету Центрального фронта.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на исполняющего должность командира 16 литовской стрелковой дивизии генерал-майора Балтушис-Жемайтиса Феликса Рафаиловича, 1897 г.р., уроженца г.Шяуляй Лит. ССР, литовца, служащего, члена ВКП/б с 1918 г., образование – общесреднее, военная академия им. Фрунзе в 1922 г., курсы единачальников в 1930 г., в действующей армии с февраля 1943 г., в Красной Армии с 1918 г., служил в старой армии с 1915 по 1917 гг включительно, последний чин подпоручик, награждён юбилейной медалью «20 лет РККА» в 1938 г.

Занимаемы должности

Командир казачьего и литовского полков	1 год 5 мес
Слушатель академии	6 мес
Начальник оперативной части штадива и начальник штаба бригады	4 мес
Слушатель академии	1 год
Начальник оперативного отдела 1-й Конной армии	1 год 2 мес

Начальник штаба 10 стр. дивизии г. Ленинграда	1 год
Помощник инспектора кавалерии РККА г. Москвы	1 год
Начальник штаба 4-го кавкорпуса, г. Армавир	3 года
Преподаватель военной академии им.Фрунзе	5 лет
Командующий Литовской народной армией	4 мес
Преподаватель академии Генштаба	1 год 2 мес
В занимаемой должности с января 1942 г.	

16-я литовская стрелковая дивизия в составе войск армии с февраля 43 г. Несмотря на длительное пребывание в тылу и имевшиеся возможности организовать обучение частей соответственно указаниям нового Устава пехоты, полки дивизии, как показало их участие в боях, строили боевые порядки неграмотно, вследствие чего за несколько дней понесли неоправданные потери.

167 полк дважды отходил с занимаемого рубежа без приказа, самовольно оставил деревню Нагорная. Маскировки частей не было. Против самолётов противника не использовался организованный огонь пехоты. Дисциплина в частях дивизии до последнего времени оставалась низкой, наблюдались случаи самовольного ухода красноармейцев с поля боя.

С приходом дивизии работа её тылов была организована плохо – срывы подвоза продовольствия, боеприпасов, эвакуация раненых, что ограничивало развёртывание и ведение боевых действий соединением. В пунктах сосредоточения тылов вместо надлежащего порядка имели место хаос и неорганизованность транспорта, оставление гаубичной артиллерии и боеприпасов в пути.

Со стороны генерал-майора Балтушис-Жемайтиса наведение строгого порядка в дивизии не принималось, и виновные не наказывались.

Военный Совет армии 25.2.43 г. за низкий уровень требовательности и отсутствие в частях дивизии твёрдого порядка предупредил генерал-майора Балтушис-Жемайтиса о неполном служебном соответствии.

Отрицательными качествами генерал-майора Балтушис-Жемайтиса является его мягкотелость и недопустимо слабая требовательность к подчинённым, отсутствие самокритичности в своих действиях, неумение видеть и решительно устранять свои ошибки и недочёты, поэтому он не может навести порядок в дивизии.

Несмотря на указанное постановление Военного Совета, недочёты в дивизии продолжают иметь место, урегулирование вопросов снабжения дивизии, повышения боеспособности её проводились непосредственными мероприятиями Военного Совета армии.

Для наведения порядка в дивизии при достаточном её боевом и численном составе Военный Совет вынужден был отвести её во 2-й эшелон.

На основании вышеизложенного Военный Совет армии ходатайствует генерал-майора Балтушис-Жемайтиса с занимаемой должности снять.

Командующий войсками 48 армии
генерал-лейтенант Романенко
Член Военного Совета армии генерал-майор Истомин
Начальник штаба армии генера-майор Бобков
3 апреля 1943 г
Верно пом. начальника строевого отделения.

Генерал-майору тов.
Свиридову

По Вашему личному приказанию кратко сообщая о боевой деятельности 16 литовской стрелковой дивизии.

В декабре 1942 г. дивизия, закончив формирование и обучение, была передана в состав войск Брянского фронта.

В течение 2-х месяцев дивизия перебрасывалась с одного направления на другое, была в подчинении сначала 3 армии, затем группы генерал-лейтенанта Новосельского, затем 2-й танковой армии и, наконец, 48 армии. За это время дивизия не вводилась в бой, а только маршировала из-под Тулы под г. Орёл, совершив в течение 2-х месяцев около 400 км.

Из-за тяжёлых зимних условий, крайне неорганизованного снабжения и постоянных подъёмов дивизии по тревоге, она за время всех этих переходов сильно ослабела. Люди не получали нормальной пищи, лошади не получали овса и не регулярно сено, сильно похудели и под конец с трудом тащили технику и имущество.

В первые же дни прибытия на передовую штаб Брянского фронта изъял из дивизии половину грузовых машин, что ещё больше затруднило снабжение людей и лошадей.

В начале февраля 1943 г. дивизия, находясь в 50 км от г. Ефремова получила приказ быть готовой к погрузке на железной дороге и отправке на другой фронт. Выполняя этот приказ, значительную часть имущества дивизия отправила к станциям погрузки, но через несколько дней совершенно неожиданно дивизия была поднята по тревоге и через 4 часа выдвинута в совершенно другом направлении.

В середине февраля 43 г. дивизия появилась в районе боевых действий 48 армии, в 50 км от г. Орла. Обстановка на фронте 48 армии к моменту её ввода в бой была следующей:

48 армия вела преследование отступающего противника и вышла на рубеж реки Неручь. На этом рубеже противник прекратил отход и оказывал упорное сопротивление. Только одна 6 гвардейская стрелковая дивизия смогла прорвать оборону противника на этом рубеже и выйти в район станции Змиёвки, но вскоре была окружена и разгромлена.

К моменту подхода 16 литовской стрелковой дивизии противник окончательно ликвидировал прорыв гвардейцев и восстановил сплошной фронт.

Подведённой литовской стр. дивизии было приказано повторить манёвр 6 гвардейской стр. дивизии, т.е. двинуться в прорыв фронта на том же участке, в том же направлении, с такими же примерно задачами.

19 февраля литовская стр. дивизия приступила к выполнению этих задач. Средств усиления дивизия почти не имела. Большое количество артиллерии 48 армии отстало в снегах, а то, что подошло, не имело снарядов. Половина артиллерии самой дивизии также отстало далеко в тылу. Зенитная артиллерия и истребительная авиация совершенно отсутствовали. Только 5 танков поддерживали наступление литовцев.

Развернувшись в районе дер. Алексеевская, дивизия сразу же попала под сильный артиллерийский и миномётный огонь противника и понесла потери. В день, назначенный для общей атаки обороны противника, на расположение дивизии напали 12 бомбардировщиков противника, сделав около 10 залётов. В результате этого авианалёта дивизия, не имея ещё тесного соприкосновения с пехотой противника, от огня артиллерии, миномётов и авиации понесла тяжёлые потери (около 2000 человек).

В дальнейшем дивизия в течение целого месяца несколько раз пыталась прорвать оборону противника, но своими силами выполнить такую задачу не смогла.

За время этих боёв дивизия потеряла около 5000 человек, в том числе большинство комсостава.

Во время этих тяжёлых боёв 16 литовская стр. дивизия показала себя с самой лучшей стороны:

- а) не было ни одного случая отхода ни одной роты, ни одного батальона; люди гибли под огнём противника, но назад не отходили;
- б) только один сержант перешёл на сторону противника;
- в) несмотря на то, что дивизия во время этих боёв совсем не получала положенного довольствия или получала очень небольшое его количество, главным образом, сухари, люди мужественно переносили фронтовые тяготы и продолжали наступать;
- г) бойцы и командиры прекрасно вели себя, проявляя образцы подлинного мужества и героизма.

19 марта 16 литовская стр. дивизия была отведена во 2-й эшелон 48 армии и таким образом наступательная операция этой армии закончилась безуспешно. Фронт обороны противника не был прорван.

Настоящее положение хода боёв мною дано на память. Если Вас интересует более подробно этот вопрос, то можно будет получить в Генштабе рапорт майора Орлова (офицера Генштаба при 48 армии), более подробно излагающего ход этих событий.

Поскольку мне как бывшему командиру 16 литовской стрелковой дивизии не предъявлено никаких обвинений и пока мне не известны причины моего смещения, о своей дальнейшей работе говорить нет смысла.

Бывший командир 16 литовской стрелковой дивизии генерал-майор
Жемайтис

27 апреля 1943 г.»

О жестоких боях войск Брянского фронта с немцами написаны горы литературы. О том, как Ставка не жалела людей, сил и средств на этом направлении характерен один лишь пример.

3 июля 1942 года Командующий 5-й танковой армией Брянского фронта генерал-майор Лизюков получил приказ нанести фланговый контрудар по немцам, наступающим на Воронеж и провести рейд по тылам противника. Армия не готова, её части только выдвигаются к месту дислокации, Лизюков пытается оспорить приказ командования, но тщетно. 5-я армия терпит сокрушительное поражение. Лизюкова понижают в должности до командира корпуса и снова приказывают атаковать.

Александр Ильич погибнет 23 июля 1942 года. Его «КВ» будет подбит гитлеровцами недалеко от села Лебяжье Воронежской области. Из всего экипажа уцелеет только один танкист, сержант РККА.

«ЗАЯВЛЕНИЕ

бывших командиров и политработников 16 литовской стрелковой дивизии по содержанию Постановления Военного Совета 48 армии от 25 февраля 1943 года.

Мы, нижеподписавшиеся, бывшие командиры и политработники 16 ЛСД, непосредственно участвовавшие в первых боях дивизии с 20.2. по 8.3.1943г. узнали о Постановлении Военного Совета 48 армии №8 от 25.2.43г. только в 1972 году, изучая личное дело бывшего командира 16 ЛСД генерал-майора Балтушис-Жемайтиса Ф.Р. в связи с его 75-летием.

Это Постановление нас не только удивило, но и оскорбило, тем более, что оно в своё время до нас не было доведено, хотя в соответствии с последним пунктом его и, учитывая служебно-командные посты, которые мы тогда занимали, оно должно было быть доведено и до нас.

В Постановлении и в представлении Военного Совета Центрального фронта, подписанных Командующим 48 армией генерал-лейтенантом Романенко, членом Военного Совета 48 армии и начальником штаба этой армии, содержится явная клевета на бойцов, командиров и политработников 16 ЛСД. Искажены и даже придуманы факты якобы дезертирства с поля боя,

оставление позиций частями и подразделениями дивизии и т.д. Например, опорный пункт противника в дер. Нагорной тогда вообще не был взят. А в Постановлении констатируется, что он дважды был оставлен 167 стр. полком.

Полностью придуман факт ухода с фронта 3-го батальона 156 стр. полка и приговор комбата к расстрелу. Ни ухода с фронта батальона, ни приговорённого к расстрелу комбата в дивизии не было.

Мы все отлично помним, в каких тяжёлых условиях 16 ЛСД тогда была брошена в бой, и с каким мужеством и самоотвержением дрались тогда её бойцы.

Основную часть бойцов дивизии, политработников и командиров составляли коммунисты и комсомольцы – бывшие борцы за дело коммунистической партии в буржуазной Литве, подпольщики, активисты Советской власти в Литве в 1940-41 гг и другие лица, добровольно ушедшие с Красной Армией при её отступлении, чтобы затем защищать Советскую Власть от немецко-фашистских захватчиков. Разве они виноваты, что командование 48 армии их бросило в бой без артиллерийской подготовки, без танков, без зенитного прикрытия, без продовольствия и боеприпасов и что они, не прорвав подготовленную оборону противника, мужественно умирали в снегу при 20-градусном морозе.

Разбирательство подготовки, хода и результатов этой операции, конечно, дело военных историков. Но из Постановления командования 48 армии и её представления Военному Совету Центрального фронта видно, что оно всю вину за неудачную операцию стремится свалить на 16 ЛСД и в частности на её командира генерал-майора Балтушис-Жемайтиса Ф.Р.

О несправедливости всех обвинений в адрес бойцов, командиров и политработников 16 ЛСД говорит хотя бы тот факт, что ни одна угроза Военного Совета 48 армии «отдать под суд и направить в штрафные части» не была выполнена. Ибо прокурор и др. лица, расследовавшие в то время «преступные действия» бойцов и командира дивизии, не нашли виновных, которых можно было бы привлечь к ответственности.

В рапорте на имя командующего 48 армией, Секретарю ЦК ВКП/б Литвы тов. Снечкусу, а также в донесении генерал-майору Свиридову командир 16 ЛСД генерал-майор Балтушис-Жемайтис Ф.Р. правильно изложил обстановку в дивизии перед первыми боями и причины больших потерь во время этих боёв.

Боевые подвиги 16 ЛСД в последующих боях доказали необоснованность обвинений, предъявленных командованием 48 армии к её бойцам, политработникам и командирам.

Во время Великой Отечественной войны дивизия много раз успешно наступала и много раз вела тяжёлые бои с контратакующими танками и пехотой противника. Но ни разу она через свои боевые порядки не пропустила врага. За боевые заслуги дивизия награждена орденом «Красного Знамени» и ей присвоено почётное наименование «Клайпедская».

Генерал-майора Балтушис-Жемайтиса Ф.Р. уже нет в живых, как нет в живых и многих других участников тех боёв. Но память о воинах 16 ЛСД, героически погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками заставляет нас сейчас, через 30 лет, заявить, что Постановление Военного Совета 48 армии от 25 февраля 1943 г. является искажающим действительность и создаёт ложное представление о морально-политическом и боевом духе бойцов, политработников и командиров 16 ЛСД. Настоящее представление передаётся в ЦК КП Литвы, высылается в Институт истории партии при ЦК КП Литвы для хранения в архиве и вкладывается в личное дело генерал-майора Балтушис-Жемайтиса Ф.Р.

Бывший зам. командира 16 ЛСД по политчасти, советник Совета Министров Лит. ССР,

генерал-майор в отставке Н. Мацяускас

Бывший зам. командира 16 ЛСД, председатель комитета культурных связей с соотечественниками за границей,

генерал-майор в отставке Карвялис

Бывший командующий артиллерией 16 ЛСД, председатель ДОСААФ Лит. ССР,

генерал-майор артиллерии в отставке И. Жибуркус

Бывший начальник политотдела 16 ЛСД, начальник архивного управления при Совете Министров Лит. ССР,

подполковник запаса Ф. Беляускас

Бывший помощник начальника политотдела 16 ЛСД по комсомолу, Министр юстиции Лит. ССР,

генерал-майор запаса А. Рондукявичюс

Бывший командир 224 арт. полка 16 ЛСД, военный комиссар Лит. ССР,

генерал-майор артиллерии П. Петронис

Бывший командир 167 стр. полка 16 ЛСД, методист по гражданской обороне Министерства высшего и среднего специального образования Лит. ССР,

полковник в отставке В. Мотека

Бывший командир батареи 120 мм миномётов 156 стр. полка 16 ЛСД, зам. начальника Вильнюсского производственного управления газификации

полковник запаса В. Починаев

Бывший следователь особого отдела НКВД 16 ЛСД, заведующий юридическим отделом Президиума Верховного Совета Лит. ССР

подполковник запаса Е. Яцовскис».

Даты на заявлении нет, но судя по изложению, оно было написано в 1972 или 1973 году.

 «Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мёртвые услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживут. Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе... И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения».

(От Иоанна, глава 5, стихи: 25, 26, 29).

Несколько слов о послевоенной службе отца, которая была уже связана с его преподавательской и научной деятельностью в Высшей военной академии им. Ворошилова (Академии Генштаба).

Изучая документы из его личного дела, многочисленные аттестации и характеристики, можно сделать вывод, что он был на хорошем счету у руководства академии, в частности у его начальника генерала армии Курасова, неоднократно поощрявшего отца благодарностями и денежными премиями.

В личном деле также имеется представление его на звание генерал-лейтенанта, «учитывая его очень большой стаж работы на должностях высшего состава (с 1920 года) а также работу в звании генерал-майора. В целях поощрения и обеспечения большей уверенности, авторитетности и инициативы в дальнейшей работе...», подписанное генералом армии Курасовым и начальником кафедры генерал-лейтенантом Позняком. Присвоение очередного воинского звания не состоялось, хотя отец два послевоенных года возглавлял в академии Курсы усовершенствования высшего командного состава, и ушёл с этой должности, очевидно, по своей воле, чтобы более плодотворно заняться научной работой.

Пишет статьи в военные журналы, выпускает, наверное, самым первым из военных историков брошюру «Операции в бассейне Тихого океана 1941-45 гг», предназначенную только для слушателей академии (Краткий оперативно-стратегический очерк, Высшая ордена Суворова 1 степени Военная академия им. Ворошилова, 1951 г.).

Выступает по этой теме несколько раз в Политехническом музее Москвы перед гражданской аудиторией, рассказывая им о совершенно неизвестной для них войне между США и Японией во 2-й мировой войне.

Даже после ухода отца на пенсию в 1954 году Курасов привлекает его к большой работе по подготовке 9-томника в 253 п.л. по теме «История военного искусства», за успешную работу над которым объявляет ему благодарность и награждает денежной премией в размере 1000 рублей.

Каждый человек несёт в себе груз прожитых лет, и я теперь понимаю, что этот груз у отца был особенно тяжёлым. Ибо набирался он за ранения, в том числе и тяжёлое в голову под Шяуляем в 1919 г., контузии, ранения на фронтах Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн и особенно за неудачное командованием им 16 Литовской стрелковой дивизией в ВОВ, что особенно негативно сказалось на состоянии его душевного равновесия и здоровья. А также послевоенным не щадящим отношением Сталина ко всем генералам, работавшим на износ без нормированного рабочего дня, почти без выходных и праздников. И к своему увольнению в запас отец подошёл совершенно больным человеком, с трудом ходившим из-за острой ишемии сердца и чрезмерной тучности, которая никоим образом не была связана с нарушением режима питания. Ел он всегда очень мало и не слыл большим гурманом.

Сколько я помню отца, он всегда рано уходил на работу и возвращался с неё не ранее 10 – 11 вечера усталым и больным. Тяжело поднимался с перерывами по лестнице на 4-й этаж, где находилась наша квартира (лифта тогда не было в доме). С усилием садился на стул и вставал с него. И тем не менее я редко видел его раздражённым или вспыльчивым. А если он и заводился по какому-нибудь поводу, связанному большей частью с моими надоедливыми приставаниями к нему, то быстро остывал и первым протягивал руку для примирения.

Но и зарплата у него была приличной. По словам мамы, отец приносил домой ежемесячно 9-10 тысяч рублей (для сравнения, средняя зарплата квалифицированного рабочего равнялась тогда 1000 рублям), не считая всевозможных доплат за статьи, что позволяло маме не работать, детям получить приличное образование, иметь в квартире домработницу и отцу строить дачу. В доме у нас всегда был достаток и по праздникам полно гостей.

В личном деле отца есть две, на мой взгляд, любопытные записи при его увольнении в запас. Первая – «В военное время подлежит переводу на должность начальника штаба корпуса кавалерии». 1954 год! Любопытно, как Министерство обороны собиралось использовать совершенно больного человека, жить которому осталось всего три года, да ещё в таком романтическом роде войск, как кавалерии, да ещё в Третьей термоядерной мировой войне!

И вторая – как сказано там же: «Уволен из кадров Советской Армии в запас по статье 59 «б» (по болезни) с правом ношения военной формы одежды с

особыми отличительными знаками на погонах (Приказ МО № 02265 от 17.5.1954г.).

Никаких «особых отличительных знаков» на погонах отца я не видел. А все эти заключения очень смахивают на шутку кадровиков, над которой они долго смеялись и которые почему-то никак не могли или не хотели увольнять больного старого человека по возрасту и выслуге лет. Ведь в армии испокон веков ходит поговорка: «Чем скорее уволишься из армии, тем дольше проживёшь на гражданке».

В июне 1957 года от обширного инфаркта «миокарда» отца на 60-ом году жизни не стало.

Тот первый бой 16-й Литовской стрелковой дивизии всем её ветеранам, выжившим в годы войны, запомнился как самый кровопролитный за всё время их участия в боях в составе соединения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГВА, Послужной список Балтушис-Жемайтиса Ф.Р.
2. ЦАМО, личное дело генерал-майора Балтушис-Жемайтиса Ф.Р., Инв. 0405030, коробка Б-384.
3. ЦАМО, журнал боевых действий 16-й Литовской стрелковой дивизии, ф.1079, оп.1, коробка 10675
4. ЦАМО, исторический формуляр, оп.554390, коробка 10671.
5. РГАСПИ, ф.17, оп.100, дело №256169.
6. Вульф Виленскис, «Повороты судьбы», издательство «Кахоль-Лаван», Иерусалим, 1986 г.
7. Яцовскис Е.Я., «Забвению не подлежит», Москва, военное издательство, 1985 г.
8. Газета «Вечерняя Москва», 22.07.1991 г., ст. «Медаль, пробитая осколком».
9. Журнал «Вопросы истории», №4, 2003г., ст. «Восстание в Шяуляе в конце 1918 - начале 1919 гг и судьба его руководителя».
10. С. Коэнцедек, ст. «По ту и по эту сторону фронта», Иерусалим.
11. Газета «Труд» за 6.09.1994 г., ст. «Трагедия генерала Павлова».

12. Арон Шнеер, «Плен (16-я Литовская дивизия)».

11.11.2009 г.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ОТ ЗАМУЛИНА ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВИЧА

Уважаемый Жемайтис О.Ф.!

К сожалению не знаю Вашего полного имени. Я, Замулин Валерий Николаевич, живу в Прохоровке, той самой, где в 1943 г произошло знаменитое сражение, кандидат исторических наук. Моя специальность – Курская битва. Я автор более 60 публикаций по этой теме, в том числе 4-х монографий: «Прохоровка – неизвестное сражение великой войны», «Курский излом», «Засекреченная Курская битва» и «Забывтое сражение великой войны». Их можно найти в Интернете. Все эти работы о боевых действиях на юге Курского выступа.

Сейчас работаю над сбором и обработкой материала о боях в полосе Центрального фронта.

Я внимательно прочёл Вашу статью о первом бое 16 ЛСД, она мне понравилась глубиной и привлечением значительного объёма документального материала. Проблема поднятая Вами – поиск стрелочников высшим командованием после неудач – в Красной Армии вообще и на Центральном фронте существовала и она была большой. Многим умным и способным командармам поломали карьеру и жизнь после подобных «разборок». Например, в то же время, что и командир 16 ЛСД по инициативе командования Центрального фронта был снят с должности и командующий 70А генерал Тарасов. Ситуация была очень схожей, но только здесь отводился гнев Сталина уже от самого Рокоссовского.

Я планирую включить эту тему в свою будущую книгу. Поэтому прошу Вас помочь в следующем. Для публикации мне необходимы фотографии Балтушис-Жемайтиса Ф.Р. периода войны (лучше 1943 г), сканированные в ТИФЕ с разрешением 300 мп.

И ещё. Есть ли у Вас документы, касающиеся событий, происшедших в дивизии в феврале 1943 года, не вошедших в статью.

С уважением Валерий Николаевич.

19.12.2010 г

Уважаемый Валерий Николаевич!

Большое спасибо за письмо и желание включить фото моего отца в свою работу, но из Вашего письма я понял, что Вы не раскрыли мою вторую страницу сайта ВИФ2, раздел "Мои работы". На этой странице размещены 50 моих статей, где-то в пяти из которых имеются интересующие Вас фотографии в количестве примерно 100 штук. Если они Вас чем-то не устроят, сообщите свой домашний адрес и я вышлю Вам диск. В моих новых работах Вы найдёте и новые документы. Все они размещены на сайте.

Желаю успехов на благо истории.

С уважением Жемайтис Ольгерд Феликсович.

19.12.2010 г.

Добрый вечер, Ольгерд Феликсович!

Спасибо за оперативный ответ. Прошу извинить, что я сразу не ответил – сейчас обрабатываю большой массив присланных из США трофейных документов по северу Курской дуги.

Я в общем-то мало бываю в Интернете. Времени совсем нет. Читал Вашу статью, присланную мне на почту друзьями. У меня к Вам просьба – если не сложно, сбросьте на мою почту свои материалы, касающиеся 16 ЛСД периода февраля-апреля 1943 года. Только обязательно с полными ссылками, где и когда они публиковались, чтобы можно было сослаться на них в книге. Что касается фото, то меня интересует тот же период февраля-апреля 1943 года, фото Вашего отца, генерала Карвялиса, командного состава 16 ЛСД этого периода. Может быть, есть что-то интересное из обычных фронтовых снимков на Ваш выбор. Единственное жёсткое требование – необходимо точно соблюсти технические параметры при сканировании фотографий: ТИФ 300 мегапикселей. Это нижний предел требований издательства к фотографиям.

Если можно, пришлите мне на ящик в Интернете. Если же Вы считаете, что лучше выслать диском, то вот мой адрес: ... И ещё в двух словах: где Вы живёте, кем работаете, Ваш возраст.

С уважением В.Н.

21.12.2010 г.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Получил Ваше второе письмо по э/п и выполняю Вашу просьбу - с этим диском передаю Вам всё что у меня есть по теме моего отца. Фото генерала Карвялиса у меня, к сожалению, не оказалось. Правда, не исключено, что он где-нибудь засветился с группой генералов рядом с моим отцом на фотографиях 1942 года под Горьким.

Мне 66 лет, я подполковник, армейский военный пенсионер, в настоящее время не работаю из-за инвалидности, живу в Москве.

Буду рад получить от Вас книгу с дарственной надписью по Курской битве 1943 года.

С наступающим Новым 2011-ым годом, успехов во всём Вам и Вашим близким.

С уважением Жемайтис

22.12.2010 г.

Здравствуйте, Ольгерд Феликсович!

Прочитал Ваши произведения и дневники, размещённые в Интернете. Понравилось. Много знакомо по своему опыту армейской службы. И от этого читать было ещё интереснее. Как будто на машине времени перенёсся в прошлое.

На Военно-историческом форуме-2 прочёл публикацию о Вашем отце. Если Вам интересно, могу сообщить, о каких отличительных знаках шла речь в приказе об увольнении с правом ношения военной формы одежды. Цитата: «...Никаких особых отличительных знаков на погонах отца я не видел...»

С искренним уважением Савенков Михаил Александрович

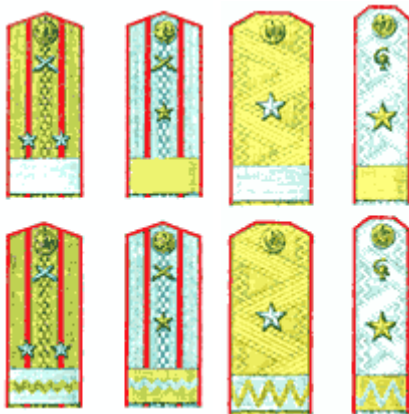
1.07.2011 г.

Я ответил по электронной почте и вскоре получил от Михаила Александровича положение об этих отличительных знаках на погонах. См. вкладыш.

31 января 1947 года Приказом МВС СССР № 4 введены отличительные знаки на погоны генералов и офицеров уволенных в запас или в отставку.

Право ношения погон с особыми отличительными знаками предоставлялось генералам и офицерам, выслужившим в Вооруженных Силах двадцать пять и более лет, а также тем генералам и офицерам, которые имели особые заслуги перед Родиной, хотя и не имели выслуги 25 лет, и уволенным в запас или в отставку с правом ношения формы одежды.

Отличительный знак представлял собой полосу из галуна шириной 28 мм, нашиваемую поперек погона на его нижнем конце. На золотом погоне полоска из серебряного галуна, на серебряном - из золотого. Для уволенных в отставку серебряный галун имел золотой зигзаг, а золотой галун - серебряный зигзаг. На генеральском погоне зигзаг располагался во всю ширину галуна, а на погоне старших офицеров - по средней части галуна. Однако этот знак различия породил пренебрежительное отношение к уволенным со службы офицерам со стороны младших по званию офицеров, сержантов и солдат. Дело доходило до неотдания чести, дерзостей. Отменили их приказом Министра обороны № 63 от 19 апреля 1955 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[«Литовцы перестреляли своих командиров и разбежались»](#)

Евгений Крутиков, vz.ru

08 Мая 2015 г.

Литва – одно из немногих государств, демонстративно отказавшихся участвовать в торжествах в Москве на любом уровне, хотя даже Латвия и Эстония отрядили для этого послов. С литовцами было непросто и в войну, доказательство чему – неоднозначная история **литовской дивизии РККА**. Это вообще по-своему уникальная история – история национальных дивизий в интернациональной стране.

После вхождения Литвы в состав СССР некоторое время еще сохранялось понятие «литовская армия», к которому, правда, пристроили прилагательное «народная» – в духе господствующей идеологии. При этом из ЛНА вычищались идеологически неправильные офицеры, которых замещали или проверенными кадрами из числа старых большевиков-литовцев, или

офицерами советскими. Аресты и чистки продолжались весь 1940 год, и в конце концов ЛНА переименовывают в 29-й территориальный корпус РККА, состоящий из двух дивизий. Командующим корпусом назначается генерал-лейтенант Виткаускас «из бывших», политическим комиссаром – бригадный комиссар Данилов. Только в 1941 году начинается пополнение корпуса солдатами и офицерами других национальностей. В первые же дни войны корпус практически разваливается, открывая немцам дорогу на Вильнюс, и его показательно расформируют.

Лидер по евреям

Решение о воссоздании литовской дивизии было принято ГКО СССР 18 декабря 1941 года.

Даже с формальной точки зрения название «литовская» было литературным преувеличением. Изначально в дивизию направлялись годные к несению службы уроженцы Литвы всех национальностей, успевшие эвакуироваться вглубь страны. Затем к ним добавились уроженцы сел Байсогала, Шедува, Ромува Новосибирской области и деревни Черная Падина Саратовской области. Это – потомки высланных в Сибирь и Поволжье участников польского восстания 1863 года. Они в третьем поколении не жили в Литве, многие даже не говорили по-литовски.

Попытка отдавать приказы на литовском провалилась довольно быстро. Для обучения личного состава в дивизию были приданы офицеры и сержанты, имевшие боевой опыт. Практически все они были русскими и резонно поставили вопрос о целесообразности использования литовского языка в боевой обстановке: переговаривающихся по-литовски советских солдат соседние части вполне могли принять за немцев или немецких союзников. В итоге перешли на понятный всем русский.

Почти 35% пехотного состава дивизии составили евреи. Это был рекордный, самый высокий процент евреев в каких-либо советских воинских частях. При этом именно евреи затем составили наиболее подробные и «неподцензурные» воспоминания о судьбе литовской дивизии. В частности, Герой Советского Союза и полковник израильской армии **Вульф Виленский** (Вольфас Лейбос Виленскис) написал в 1986-м книгу «Повороты судьбы», изданную в Иерусалиме издательством «Кахоль-Лаван». Сержант Соломон Коэнцедек также в Иерусалиме выпустил книгу «По ту и эту сторону фронта». Воспоминания оставил и командир разведроты Шалом Скопас. На них не давила советская военная цензура, тщательно фильтровавшая любые мемуары. А вот первый командир дивизии, генерал-майор Феликс Балтушис-Жемайтис – старый коммунист с непростой судьбой, связанной и с литовской, и советской армиями, воспоминаний так и не оставил. Пробел

уже в наше время попытался восполнить его сын – подполковник запаса, ветеран Афганистана **Ольгерд Жемайтис**, но его трактовка выглядит пристрастно по вполне понятным причинам.

Полковник Вольф Виленский, кстати, долгие годы преподавал на военной кафедре Вильнюсского университета и эмигрировал в Израиль только в 1982 году. В Израиль же в 1979-м эмигрировал еще один Герой Советского Союза – **Калман Шур** (Кальманис Шурас), всю послевоенную жизнь проработавший закройщиком на кожевенно-галантерейном комбинате «Красная звезда» в Вильнюсе. Эмиграция в Израиль для героев Советского Союза, понятное дело, была непростой и скандальной, вне зависимости от того, был ли это простой закройщик или преподаватель военной кафедры с очевидными литературными талантами. Но наиболее сложным был отъезд майора **Григория Сауловича Ушполиса**, получившего Звезду Героя уже за Курскую битву. После войны он сделал партийную карьеру, окончил высшую партийную школу и юридический факультет Вильнюсского университета, а работал в аппарате ЦК КП Литвы. Выехать в Израиль он смог только в 1991 году, жил в Ашдоде, работал в ЦК Союза ветеранов войны и выпустил книгу воспоминаний «Тревожное время». Еще один солдат-еврей – Берел (Борис) Цинделис – стал Героем Советского Союза посмертно.

Костяк офицерского состава дивизии составили офицеры бывшего 29-го территориального корпуса, оставшиеся верными присяге и эвакуированные вместе с остатками частично разбитого, частично разбежавшегося корпуса. На следствии бывший командующий войсками Белорусского (Западного) особого военного округа генерал армии Дмитрий Павлов утверждал, что «основной причиной быстрого продвижения немецких войск на нашу территорию явилось явное превосходство авиации и танков противника». А также то, что на левый фланг генералом Кузнецовым были поставлены литовские части, «которые воевать не хотели», а после первого нажима перестреляли своих командиров и разбежались. «Это дало возможность немецким танковым частям нанести мне удар», – резюмировал генерал.

Павлов не признал себя виновным и был заинтересован в том, чтобы переложить ответственность за катастрофу первых недель боев в Белоруссии на «соседей» – Прибалтийский военный округ. Однако частично он прав: 29-й стрелковый (литовский) корпус прекратил свое существование в первые же часы боев – и открыл немцам дорогу на Вильнюс. Начальник штаба генерал-майор Чернюс дезертировал в первом же боестолкновении, а полковник Масюлис вообще оказался агентом абвера. Лишь отдельные подразделения корпуса смогли впоследствии вырваться из окружения, причем в составе группы именно генерала Кузнецова, которого так ругал на следствии Павлов. Сперва они были распределены по другим частям РККА, но после приказа о

формировании новой литовской дивизии разысканы и переданы ей, став ее базой. Впоследствии национальный и кадровый состав дивизии оказался размыт.

К национальному вопросу

Вообще размывание этнического состава национальных дивизий было их общей бедой. Например, азербайджанские и грузинские дивизии несколько раз переформировались, и изначальный численный состав грузин и азербайджанцев с 75–80% снизился до 40–59%. В ряде случаев это было следствием тяжелейших потерь. Так, армянская 390-я дивизия 51-й армии при эвакуации из Крыма через Керчь и Тамань была едва ли не полностью уничтожена из-за хаоса на переправе, отсутствия плавсредств и авиации. Выжившие говорили: «Керчь – айин верч» («Керчь – армянам конец»), а дивизию пришлось формировать заново.

Со среднеазиатскими дивизиями было еще сложнее. В конце концов кое-как удалось сформировать по одной дивизии на республику (таджикская, узбекская и киргизская), еще одна – казахская – сразу понесла огромные потери и была переформирована в обычную стрелковую. Формально были сформированы еще 13 среднеазиатских дивизий, но отправить их на фронт в ГКО так и не решились. Они использовались в тылу – для охраны аэродромов и гарнизонной службы. Призывники из Средней Азии в массе своей плохо говорили по-русски и не понимали, что такое воинская дисциплина.

Другое дело – призывники из числа малых народов Севера. Они даже не были призывниками в чистом виде, поскольку постановлением ГКО представителей малых народов было запрещено призывать на действительную военную службу. Зато они массово шли добровольцами, хотя в основном страдали теми же «болезнями», что и среднеазиатские рекруты – не умели ходить строем, совершенно не ориентировались в политике и даже воинскую форму носили на свой лад. Устав с этим бороться, командование на местах стало явочным порядком разрешать «северянам» надевать то, что им вздумается, и «северяне» массово переоделись-переобулись в унты и оленьи шкуры. Знаменитый нанайский снайпер Торим Бельды умудрился даже погонышить на одеяние из оленьих шкур, и ничего ему за это не было. Народы севера действительно были незаменимы как великолепные снайперы, умевшие сливаться с природой в прямом смысле слова. За нанайца Максима Пассара немецкое командование давало 100 тысяч рейсхмарок. Одно только его подразделение, составленное из нанайцев, за два месяца (октябрь и ноябрь) 1942 года в Сталинграде уничтожило более трех тысяч немцев (погиб Максим Пассар в январе 1943-го). Командование разрешило даже формировать отдельные отряды по

клановому принципу, что категорически запрещалось для других народов СССР.

Никакими такими специфическими навыками солдаты литовской дивизии не обладали, и ее появление было в большей степени актом политическим, чем военным. После разгрома и массового дезертирства 29-го стрелкового корпуса логичнее бы было ничего специфически литовского более не формировать. Возможно, что решение создать национальные литовскую, латышскую и эстонскую дивизии было прямым ответом на создание аналогичных дивизий СС. Правда, литовская дивизия СС так и не была сформирована – из-за категорического нежелания литовцев. А вот в Латвии и Эстонии все прошло на ура. Впоследствии на фронте под Нарвой эстонская дивизия СС и советская эстонская дивизия стояли в окопах друг против друга, и, по свидетельству очевидцев, бойня на этом участке фронта шла нешуточная.

Мертвый снег

Литовская дивизия общей численностью 10 374 человека была переведена в режим военного времени в августе 1942 года. Командиром остался генерал Феликс Балтшис-Жемайтис, его заместителем стал кадровый офицер литовской армии генерал-майор Владас Карвялис, начальником штаба – подполковник генерального штаба литовской армии Киршинас, начальником артиллерии – старый красный командир **Йонас Жибуркус**, комиссаром – полковой комиссар Йонас Мацяускас (еврей). 20 ноября дивизия начала серию изнурительных пеших переходов с Поволжья (Горьковская область). Никакой техники дивизии передано не было. Не хватало обмундирования, фуража для лошадей, просто еды. Снег парализовал работы тыла на марше. Люди начали умирать от обморожения и истощения. От сердечного приступа скончался начальник штаба Киршинас. 18 февраля дивизия вошла в состав Брянского фронта в ослабленном состоянии: люди падали от изнеможения, тылы отстали, снаряжения и снабжения фактически не было. Снаряды, мины, пулеметы – все это приходилось тащить на себе, поскольку оставшиеся в дивизии автомобили буксовали в снегу. Расположившись в деревне Алексеевке, комдив Жемайтис попытался доложить в штаб фронта о плачевном состоянии дивизии, но политрук вырвал у него трубку и отчитался о полной боевой готовности. На этот момент в ротах насчитывалось по шесть–восемь человек, в полках – по 100–150. Без артиллерии, боеприпасов и продовольствия.

Ориентируясь на бодрый доклад комиссара Мацяускаса, командование поставило задачу наступать на позиции немецкой 45-й пехотной дивизии, давно укрепившейся на этом участке (включая ряды колючей проволоки и ледяные рвы). Посмотрев на это, комдив Жемайтис принял решение усилить

атакующие части за счет тыловых подразделений. То есть в бой были брошены все имевшиеся в наличии писари, повара, связисты и фельдшеры.

Дальнейшее представляло собой заурядную фронтовую бойню. Таких массовых трагедий в тот период войны были сотни, искать виноватого бесперспективно – можно смело ругать как командование 48-й армии (Романенко), так и Брянского фронта в целом (генерал Рейтер). После переименования Брянского фронта в Центральный и назначения на пост командующего Рокоссовского бессмысленные атаки на укрепленные немецкие позиции были прекращены как явление, но для этого понадобился весь авторитет Рокоссовского – убедить Сталина не форсировать постоянное давление на этом участке оказалось непростой задачей. Можно обвинять и комдива Жемайтиса – в мягкотелости, не отстоял свое мнение. Но нужно понимать, что война Жемайтиса по сути спасла. С 1937 года он находился под следствием по делу так называемой Польской организации войсковой, и только необходимость привлечения национальных кадров в только что присоединенных прибалтийских республиках уберегла его в лучшем случае от лагеря. Вряд ли кто-то упрекнет его в том, что он побоялся пойти наперекор старшим офицерам и даже собственному комиссару Мацяускасу.

По итогам нескольких дней фронтальных атак на немецкие позиции литовская дивизия понесла в этом первом же для нее бою настолько тяжелые потери, что командование 48-й армии приняло решение вывести ее в тыл. Налет на тылы немецких бомбардировщиков довершил разгром дивизии.

В отношении литовской дивизии не проводилось какой-либо особой или, не дай бог, дискриминационной политики. В похожих условиях в тот период формировались и обычные – не только национальные части. При этом, несмотря на разгром и жуткие потери в первом же бою, массового дезертирства или перехода на сторону врага отмечено не было. Евреям путь был заказан по понятной причине, а литовцы воспринимали правительство Антанаса Снечкуса, на которого ориентировалось командование дивизии, как родное, литовское. Многие были наслышаны о том, что Гитлер не торопится создавать даже видимость литовской автономии, а Снечкуса видели представителем именно национальной власти, о чем сейчас не любят вспоминать в Вильнюсе. Даже тяжелейшие потери удалось «конвертировать» в пропаганду: все дивизии на фронте несут одинаковые потери. Значит, и нам есть за что воевать.

Тем не менее организационные выводы были сделаны. Комдив **Феликс Балтушис-Жемайтис** был отстранен от командования, начальник тыла Гудялис снят с должности и отдан под суд (?), политруку Мацяускасу объявлен выговор. Дивизия была переведена во второй эшелон на переформирование. Жемайтис несколько раз пытался жаловаться Снечкусу и

просил его довести до Сталина реальные обстоятельства боя под Алексеевкой. Его обращения напарывались на хорошо организованные защитные порядки командования 48-й армии и Брянского фронта. Жемайтису не удалось даже стать наркомом обороны ЛитССР, несмотря на положительную рекомендацию Жукова (?). До конца своей жизни генерал находился на преподавательской работе.

16-я Литовская стрелковая дивизия была расформирована одновременно со всеми иными национальными воинскими частями Советской армии после просталинских волнений в Тбилиси в 1955 году. Тогда грузинские национальные воинские части показали себя как ненадежные, да и в целом «по мере усиления социалистического строя» содержание национальных воинских частей в стране с официальной идеологией интернационализма было признано неверным.

- Текущий номер издания: **N28 (1220) 12 июля**
ОБЩЕСТВО

Литовская дивизия на Орловской земле

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ: 2016-09-29

В декабре этого года исполняется 75 лет со дня учреждения 16-й Литовской стрелковой дивизии. Именно 18 декабря 1941 года вышло постановление Государственного Комитета Оборона СССР о создании 16-й Литовской дивизии.

Фото из личного архива
А.Полынкина

Формирование частей и подразделений началось 28 декабря 1941 г. и закончилось к июню 1942 года. Временно исполняющим должность

командира дивизии на первом этапе ее формирования был назначен полковник Чесноков. А с 15 января 1942 г. его сменил комбриг Ф. Р. Жемайтис, которому в мае того же года было присвоено звание генерал-майор.

Формирование проходило в поселке Гидроторф Горьковской области, а с 13 марта 1942 г. части дивизии передислоцировались также в города Балахна и Правдинск той же области.

К 10 августа 1942 г. дивизия была переведена на штат военного времени и достигла численности 10374 человек и по своему кадровому составу являлась многонациональной.

По архивным данным по состоянию на 1 января 1943 г. в дивизии служили представители более 30 национальностей: литовцы, русские, украинцы, белорусы, грузины, латыши, эстонцы, поляки, казахи, татары, чувашаи и др. Большинство составляли литовцы – 32,8% солдат, 48% офицеров. Русских служило 29,9% как по офицерскому составу, так и по солдатам. Евреи имели самый высокий показатель по солдатам – 34,2%.

Мы начинаем публикацию статей, посвященных этому легендарному воинскому соединению. Сегодняшний гость «ЛК» – орловский историк Александр Полынкин. Он автор более 30 книг и 500 краеведческих статей. Одна из основных тем его творчества – «События Великой Отечественной войны на территории Орловской области и Покровского района». В 2015 году вышла в свет его книга – «Покровский край в годы Великой Отечественной войны» (к 70-летию освобождения Орловщины от фашистов), в которой один из очерков посвящен 16-й Литовской стрелковой дивизии.

– С чего начался ваш интерес к истории 16-й Литовской дивизии?

– Дело в том, что Покровский район Орловской области, в котором я живу и работаю, — один из самых пострадавших в годы войны. В конце ноября 1941 года его территория была полностью оккупирована гитлеровцами, а вот освобождение затянулось почти на 20 месяцев. По территории края дважды проходила линия советско-германского фронта (первый раз — с конца декабря 1941 по февраль 1943 года, во второй раз — с марта по июль 1943 года).

Освобождение района далось большой кровью – более 10 000 солдат и командиров лежат в 55 братских могилах нашего края. Свой вклад в дело изгнания фашистов с территории края внесли многие воинские части Красной Армии: 73-я, 137-я, 14-я, 280-я, 307-я, 399-я стрелковые дивизии. О каждой из них я узнал довольно много, как и о том, какую роль

непосредственно сыграли они в освобождении сел и деревень Покровского района.

Но 16-я Литовская стрелковая дивизия, не названная в их числе, с самого начала стояла и стоит у меня на особом месте. Прежде всего, потому, что это единственная воинская часть, чье боевое крещение произошло именно на Покровской (и Орловской) земле, у села Алексеевка начинала она шагать по фронтовым дорогам. И потому это стало отправным моментом в моих поисках по истории как самой дивизии, так и биографиям ее воинов.

Ну и, во-вторых, наверное, слишком трагическим оказалось кровавое крещение дивизии, слишком большими и часто неоправданными были первые потери, чтобы на данный факт не обратить внимание.

– Разве большие потери – это какое-то исключение на войне? Это ведь не редкость?

– Да, потери на войне – к горькому сожалению, обычное дело, но потери потерям – рознь. Иногда, конечно, они бывают оправданы логикой и ходом той или иной оборонительной или наступательной операции. Но в случае с Литовской дивизией многое было вопреки этой самой логике.

16-й стрелковой, направляемой на фронт, предстояло принять участие в Орловской (зимней) наступательной операции, развернутой в начале февраля 1943 года. По замыслу советского командования, 61-я, 48-я, 13-я и 3-я армии должны были прорвать немецкие оборонительные позиции на восточных подступах к Орлу и фланговыми ударами с северо-запада и юго-запада окружить и уничтожить орловскую группировку противника с последующим овладением Орлом.

С 20-х чисел февраля 1943 года в эту масштабную операцию включилась и 16-я Литовская стрелковая дивизия. Однако к этому времени стало ясно, что с реализацией задуманной операции имеются серьезные проблемы. Прежде всего, потому, что советская фронтовая разведка учла только те силы противника, которые касались первой линии обороны, а немецкие резервы, находившиеся в глубине и в крупных населенных пунктах, не были приняты во внимание. Это было серьезной ошибкой не только командования Брянского фронта, но и Генерального штаба, которые привели к недооценке сил гитлеровцев на данном направлении.

Во-вторых, войска правого крыла и центра Брянского фронта перешли в наступление, не завершив в полной мере подготовку к операции. Поэтому мощного первоначального удара не получилось, и бои с первых дней приняли упорный и ожесточенный характер. Две армии вообще топтались на

месте, и лишь 48-я под командованием генерала П. Романенко медленно продвигалась вперед. Части ее 73-й стрелковой дивизии под командованием полковника Д. Смирнова 13 февраля сумели освободить районный центр, село Дросково, а 15 февраля 1943 года эта же дивизия участвовала вместе с 137-й и 143-й стрелковыми дивизиями в изгнании гитлеровцев из районного центра Покровское.

После этого наступление 48-й армии в общем направлении на станцию Змиевка еще некоторое время продолжалось, но вскоре, в связи с большими потерями, тяжелыми погодными условиями, недостаточным количеством средств поддержки – артиллерии, танков, авиации и усилившимся сопротивлением противника – продвижение вперед почти полностью прекратилось.

Вот в этот, уже и так достаточно трудный период подошла к передовой линии фронта, в район села Алексеевка Покровского района Орловской области, 16-я Литовская дивизия.

В течение нескольких дней, с 15 по 20 февраля, сквозь снег и метель, двумя походными колонными полки дивизии пробивались к пункту назначения. Отстали техника, артиллерия, обозы с продовольствием, бойцы шли голодные, но тащили на себе пулеметы, снаряды, мины и боеприпасы, едва успевая переводить дух на коротких остановках и не успев как следует восстановить свои силы на участке, куда прибыли для выполнения боевой задачи: Экономичено, Егорьевка, Вольный Труд, Никитовка (Свердловский район Орловской области), Алексеевка (Покровского района Орловской области). Отдохнуть им даже в большом селе Алексеевка не пришлось, поскольку условий там для этого просто не было – большинство домов оказалось сожжено и разрушено, обогреться и принимать пищу приходилось в сараях и на открытом воздухе.

А уже 22 февраля 16-я Литовская дивизия, сменив 800-й полк 143-й стрелковой дивизии и обескровленную в наступлении 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию, получила приказ прорываться к станции Змиевка.

На пути наступления дивизии оказалось два сильных узла сопротивления: первый – в районе деревень Верхняя и Нижняя Сергеевка, Емельяновка, второй – у поселка Хорошевский. Оба узла были расположены на флангах наступающей 16-й Литовской дивизии, состояли из глубоких укрепленных траншей, оборудованных противотанковым узлами; имели сильное артиллерийское прикрытие и не были ограничены в расходе снарядов. Личный состав их размещался в отапливаемых землянках. Авиационная поддержка была очень сильной. Предполье на подступах к первой линии траншей было оборудовано тремя рядами проволочных заграждений.

Использовался и мороз — перед траншеей был устроен вал из снега, облитого водой и превращенного в ледяную корку. В бойницах, оставленных в валу, были установлены пулеметы. В отдельных пунктах в землю были закопаны танки, пушечно-пулеметные башни которых служили в качестве дотов. Кроме того, немецкие наблюдатели с этих рубежей отлично видели всю полосу наступления 16-й стрелковой дивизии, в любой момент готовясь отбивать наши атаки.

В середине февраля этот участок штурмовали и, не продвинувшись ни на шаг, понесли большие потери 143-я (II формирования) и 6-я гвардейская стрелковые дивизии.

В течение месяца, с 22 февраля по 22 марта 1943 года, эту же задачу пыталась выполнить 16-я Литовская. Многочисленные и с разных направлений попытки прорыва гитлеровских позиций каждый раз наталкивались на жесткую, хорошо организованную оборону, без каких-либо успехов с нашей стороны. Приведу всего один пример.

После короткой артиллерийской подготовки 24 февраля 1942 года 167-й полк начал при поддержке семи танков атаку поселка Нагорное (у местных жителей он известен как деревня Миловка).

Этот поселок был тщательно подготовлен противником для обороны: перед ним были установлены минные поля, заграждения из колючей проволоки, построены доты. Несколько танков, закопанных в землю, были превращены в огневые точки.

Наступавшие цепи 16-й Литовской дивизии были сразу же встречены сильным пулеметным и минометным огнем и залегли на открытом снежном поле. Без белых маскхалатов, в отчетливо заметных шинелях они были четко видны противнику. К этому времени дивизия получила средства усиления — танки, «катюши», артиллерию, — но подкрепление не оказало воздействия. Наступление заглохло. Проявляя смекалку и находчивость, лишённые возможности замаскироваться и укрыться, солдаты прятались от наблюдения противника за стенками из блоков, которые они нарезали из плотно слежавшегося снега, что в некоторой степени защищало от пуль и осколков. Правда, танки прорвались и подошли вплотную к окраинам поселка, но вскоре им пришлось отойти из-за того, что отстала пехота.

Атаки по этому полю дивизия повторяла несколько суток подряд, даже в ночное время, но успеха они так и не принесли.

Менее чем за неделю безуспешных атак, с 22 по 26 февраля 1943 года дивизия потеряла в ходе боев 505 человек убитыми, 2035 ранеными, 527

пропавшими без вести и 88 человек по другим причинам. Общие потери, таким образом, составили 3155 человек за одну неделю наступления.

Всего же за время этих боев погибли более 2 тысяч воинов дивизии. В стрелковых и пулеметных подразделениях полков из строя вышло более 75% воинов.

Ряды подразделений в стрелковых полках настолько поредели, что их пришлось пополнять за счет штабов и тыловых подразделений, в том числе, и особого отдела дивизии.

С 6 марта, в течение двух следующих недель, предпринимались новые атаки на позиции противника уже под Никитовкой (Свердловский район Орловской области). Не будучи обеспеченными артиллерией, авиацией и танками, они по-прежнему не привели к продвижению вперед.

16 марта 1943 года 16-я дивизия по приказу перешла к обороне западнее и юго-западнее Алексеевки, а 20 марта она передала занимаемые позиции подошедшим частям 399-й дивизии и отошла в тыл.

Литовская дивизия, в месячных боях понесла огромные потери, тем не менее, с честью выполнила свою задачу. Вместе с другими соединениями 48-й армии, также понесшими большие потери, своими активными наступательными действиями она сковала крупные силы противника, что не позволило немецкому командованию снять ни одной части с этого участка фронта в помощь войскам Манштейна, который в марте 1943 года вел контрнаступление под Харьковом.

Причины же больших потерь дивизии достаточно объективно отразил в своем рапорте в марте 1943 года командующему 48-й армией командир 16-й Литовской дивизии генерал-майор Карвялис. Я их перечислять не буду, поскольку из картины попыток наступления они видны отчетливо.

После первых тяжелых боев дивизии 308 наиболее отличившихся ее бойцов и командиров получили боевые награды – ордена и медали. Близ места боев, в центре села Алексеевка, находится сейчас воинское кладбище, на котором погребены более 1300 солдат и офицеров Литовской дивизии, и в честь их подвига здесь воздвигнут величественный памятник.

Николай ЖУКОВ

